

A man and a woman in historical fantasy attire stand on a balcony overlooking a mountainous landscape. The man is on the right, wearing a dark blue coat with gold trim and a red vest. The woman is on the left, wearing a long, ornate, light-colored dress. They are looking at each other. The background shows a blue sky and distant mountains. The scene is set on a balcony with a stone railing and a lantern on the left.

Александр Шохов

Черти и все остальные

Александр Шохов
Черти и все остальные

«Автор»

2026

Шохов А. С.

Черти и все остальные / А. С. Шохов — «Автор», 2026

Мистический фэнтези-роман о двух актёрах, Ксении и Гаврииле, которые, уволившись из театра «Современник» оказываются вовлечены в интригу, которую их новые знакомые (черти) называют «Большая Игра». Один из чертей, Марр, говорит Ксении: «Наш Универсум нарисован художником. Универсум – это картина, в которую мы когда-то вошли, и теперь живём в ней. В слове «Вселенная» скрыта информация о том, что мы были в неё вселены. Но здесь, внутри, мы тоже можем писать картины и входить в них. Есть, правда, одно условие: картина должна быть шедевром. Если картина не шедевр, войти в неё невозможно». Черти ищут выход из той картины, что создала наш Универсум, чтобы оказаться там, где жил или продолжает жить написавший ей создатель.

© Шохов А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дневник Ксении Чаплиной	6
Запись о событиях 10 февраля 2024, суббота	6
Запись о событиях 10 февраля 2024, суббота	8
Запись о событиях 11 февраля 2024, воскресенье	15
Запись о событиях 12 февраля 2024, понедельник	26
Запись о событиях 13 февраля 2024, вторник	27
Сознание Гавриила	31
Сознание Гавриила. 12 февраля 2024, понедельник.	31
Сознание Гавриила. 13 февраля 2024, вторник	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Шохов

Черти и все остальные

Александр Шоу

Черти и все остальные

Дневник Ксении Чаплиной

Запись о событиях 10 февраля 2024, суббота

Дорогой дневник! Это снова я, твоя Ксения Чаплина. В последний раз, когда я открывала тебя, мне было 15 лет, и я была безумно влюблена в мультипликационного персонажа. Я перелистываю страницы, написанные тогда, и ощущаю эмоции, о которых давно позабыла. Это приятно, забавно, мило. Тогда я делала записи в дневнике с помощью перьевой ручки, которую нужно было макать в чернильницу. Мне это казалось очень романтичным. Теперь я пишу обычной гелевой ручкой. Но помню тот немного пьянящий запах чернил, который разносился по моей маленькой комнате на мансарде маминого и папиного дома.

Сейчас мне 24 года, я окончила ВГИК, успела сняться в четырёх фильмах. Роли были эпизодические, они вовсе не сделали меня знаменитой. Но я получила свой первый опыт. Было интересно увидеть себя на большом экране, познакомиться с яркими людьми. Параллельно я работала в «Современнике» в стажёрской труппе. И вот неделю назад ушла оттуда, поскольку стажёрство затянулось на три года, а возьмут ли меня в основную труппу, так и осталось неясным.

Кто я теперь? Уже неделю как свободный художник. Конечно, после насыщенной событиями актёрской жизни эта пауза позволяет собраться с мыслями, отдохнуть. Но за окнами моей арендованной квартиры – Москва. А Москва – город, в котором нужно двигаться вперёд, иначе окажешься в стороне от всех путей, ведущих в твоё будущее. Надо платить за квартиру, кушать, одеваться, встречаться с людьми, – всё это требует средств. Конечно, Москва такой город, что в нём очень трудно остаться без доходов. Но некоторым моим однокурсникам это удалось, и я бы не хотела идти их путём.

Наверное, вернуться к ведению дневника – это для меня бесплатный способ психотерапии, ведь денег на психотерапевта у меня сейчас просто нет. И ты, дорогой дневник, всё-таки не чужой мне. Я перенесла в тебя частичку себя, когда была наивным подростком, так что ты, можно сказать, хотя бы немного одушевлён. Побудешь моим психотерапевтом? Ты ведь не сможешь мне отказать...

Я полна надежд сейчас. Но, честно говоря, не очень понимаю, что мне делать. Москва полна возможностей. Но какие из них для меня? Что в этом огромном городе делать мне, девушке из Нижнего Новгорода? И если есть судьба или какие-то высшие силы, правящие этой Вселенной, может быть, у них есть какие-то планы на меня?

Нет, правда, вот вопрос вопросов, который может задавать себе, наверное, только актриса, уволившаяся из театра: «Равнодушна ли к нам Вселенная?». Сформулирую чуть иначе: могу ли я, именно я, Ксения Чаплина, надеяться на то, что для меня написана роль в этой непостижимой многомерной драме жизни? И если ответ «да», то почему Вселенная не даёт мне явных знаков? Почему она не открывает передо мной те двери, в которые я должна войти, чтобы исполнить своё предназначение? А если ответ «нет», и для меня никакая роль не предначертана, тогда мне можно делать всё, что я пожелаю? Каждый из нас рано или поздно задаёт эти вопросы. А когда начинает делать то, что он желает, то обнаруживает на своём пути множество препятствий. Сам факт существования препятствий как бы указывает на то, что некоторые пути для человека закрыты. Да и делать что хочешь, часто вовсе не означает получить то, что желаешь. Священник, отец Николай, в церковь которого ходила моя мама, говорил, что Бог всё видит, но его замыслы нам неведомы. Может быть, и так...

Я уходила из «Современника», можно сказать, на эмоциях. Мне не дали роль в очередном спектакле, которую я хотела сыграть, я обиделась и пошла гулять. И внезапно встретила моего

бывшего парня, Гавриила. Полгода назад мы расстались. Он одним из первых ушёл из стажёрской труппы театра. Какая страсть между нами пылала тогда! Когда расставались, и он плакал, и я плакала. Но взаимные обиды оказались сильнее чувств. А нам было так хорошо вместе. Мне нравилось в нём всё: острый ум, весёлый нрав, талант, огромная физическая сила... Однажды он на спор пронёс меня на руках от Покровских ворот до Трубной площади. При этом я устала держать его за шею, а он внешне не проявлял никаких признаков усталости.

Наша случайная встреча произошла чуть больше трёх недель назад на Чистопрудном бульваре. Обнялись, обменялись новостями. А потом он сказал:

– Ксюша, ты же талантливая, яркая, что ты вынешь в этой стажёрской труппе? Давай ко мне! Я театр создаю. Практически договорился со спонсором.

– А что ставить будете?

– Мы сами пьесу написали о революции 1917 года. Нам кажется, что очень интересно получилось. Для тебя там роль комиссара есть. Я её сам выписывал. Приходи, а?

В его взгляде читалось столько чувств... И я как-то внутренне потянулась к нему. Наши прошлые обиды показались настолько мелкими и незначительными в тот момент, что я, почти не вглядываясь в них, перелистнула многократно зачёркнутую страницу прошлого и решилась на необратимый шаг. В тот же день я зашла в «Современник» и подала заявление об уходе. Через две недели ушла. А три дня назад Гавриил позвонил и сказал, что надо искать другого спонсора, этот отказался финансировать его проект.

Пьеса, которую они написали, и правда была хороша. Но чтобы её поставить, нужны были деньги. Небольшие, но всё же...

Прости, дорогой дневник, мне позвонили насчёт работы. Может быть, всё получится. Убегаю. Расскажу тебе, когда вернусь.

Запись о событиях 10 февраля 2024, суббота

Я опоздала на назначенную мне встречу, правда, всего на десять минут. В кофейне недалеко от одиннадцатого выхода из метро «Китай-город», в которой мне назначили встречу, нужно было заказывать напитки и десерты внизу, а потом вместе с тем, что ты заказал, искать на втором этаже место, где присесть. Я опоздала, и ждать свой кофе было совсем некогда, поэтому сразу взлетела на второй этаж, где увидела мою знакомую по ВГИКу Майю Пинчанскую и молодого человека лет тридцати в костюме в клеточку с галстуком, который идеально подходил под светло-серую рубашку. Они заняли столик у окна, пили кофе и кушали чизкейки.

– Здра-а-австуйте! Простите, немного опоздала, – сказала я, подходя к ним и всем своим видом изображая искреннее раскаяние.

– Привет, подруга, – Майя привстала и приобняла меня, коснувшись щекой моей щеки.
– Знакомься, это Павел, мой хороший друг.

– Павел Малинин, – представился молодой человек. – Мы с тобой виделись, пересекались в разных компаниях, моей фамилии я тебе не называл, а имя моё ты, наверное, не помнишь. Ты тогда встречалась с Гавриилом, и мы с ним как-то напились на вечеринке, а потом ходили выгуливать друг друга на улицу.

– Ксения Чаплина, – улыбнулась в ответ я.

Я помнила ту вечеринку. Гавриил по возвращении домой заблевал всю квартиру, которую мы тогда снимали вдвоём.

– Я знаю, что ты работала в «Современнике», а сейчас ищешь для себя интересный проект.

– Да, так и есть.

– Я хочу предложить тебе не совсем обычную работу.

– Какую же? – спросила я.

– Экскурсовод в частной картинной галерее.

– Хм, – сказала я. – Неожиданно. А что это за галерея?

– Один очень влиятельный, но мало кому известный господин, ценитель и собиратель разного рода древностей, ищет девушку определённой внешности для этой работы. И я, когда Майя показала мне твоё фото, понял, что ты очень похожа на неё.

– Прости, я правильно поняла, что он по внешности ищет сотрудницу?

– Вот что я имею в виду, – Павел потянулся под стол.

У его правой ноги стоял большой бумажный пакет, на который я вначале не обратила внимания. Он вынул из него картину в раме и протянул мне. На картине были изображены стоящие в напряжённых позах у большого дерева два человека: стройная девушка с каштановыми волосами, а рядом с ней юноша, который, казалось, хотел её от чего-то защитить. Из ствола дерева в густую высокую траву как будто бы вытекал наружу пока ещё неоформившийся дымный силуэт.

– И что мне нужно увидеть? – спросила я.

– Приглядишься к кроне дерева, – посоветовал Павел.

Я пригляделась. Невероятно! Блики на листе складывались в лицо, которое я каждый день вижу в зеркале. Особенно если покачать картину из стороны в сторону.

– Теперь видишь? – спросил Павел.

– Да. А когда картина была написана?

– Мне это неизвестно, – сказал Павел. – На картине ни имени художника, ни даты, ни названия. Да и какое это имеет значение? На картине уже виден кракелюр, значит она явно не вчерашняя. А богатый чудаковитый ищет девушку, лицо которой можно разглядеть в кроне дерева... Его деньги – его капризы.

Майя немного деланно засмеялась. Я постаралась очень аккуратно сформулировать уточняющий вопрос:

– Не думай, что я туповата, Павел. Но я спрошу ещё раз: этот господин поручил тебе найти девушку, которая похожа на образ, прописанный древним художником в кроне дерева?

– Именно. Ты не единственная кандидатура. Но, на мой взгляд, ты похожа на этот портрет больше, чем другие.

– Ладно. И о каких условиях мы говорим? – спросила я.

– Ты о зарплате? – спросил Павел.

– В том числе.

– Ну об этом лучше говорить с самим господином Эмеркаром.

– Эмеркар, – это фамилия? – поинтересовалась я.

– Честно говоря, не знаю, – сказал Павел. – Я владелец кадрового агентства «Карьера», он довольно часто обращается ко мне с запросами о новом персонале, и щедро платит за это, но об условиях работы он всегда договаривается сам.

– А что говорят об этом Эмеркаре другие сотрудники, которых Вы туда рекомендовали? – спросила я.

Павел как-то очень быстро отвёл взгляд на свой кофе и ответил:

– Сотрудники в его галерее почему-то не задерживаются. Но когда я им звоню, чтобы спросить о причине, дают самые общие ответы, из которых ничего понять толком нельзя.

– Честно говоря, – сказала я, – всё это выглядит странно и, более того, подозрительно.

– Всё, что я могу, – ответил Павел, – это рассказать о возможности. Никто из его сотрудников никогда не жаловался на то, что Эмеркар мало платит. Напротив, оплатой все оставались очень довольны. Об остальном я сказать не могу, поскольку сам ничего не знаю.

– Н-да, – улыбнулась я. – В одном из наших спектаклей, который мы ставили студентами, примерно такими словами семнадцатилетнюю девушку убеждали поработать в эскорте.

– А, я помню этот спектакль! – засмеялась Майя. – Наташа играла! Да!

– А Гаврюша был сутенёром, – добавила я. – Его первая отрицательная роль. Но вернёмся к нашему делу. Павел, что ещё ты можешь мне рассказать?

Конечно, меня терзало любопытство. В то же время какая-то противоестественность всей ситуации напрягала. Будучи подростком, я занималась живописью, и прекрасно знала, что кракелюр может возникнуть не только в результате естественного высыхания слоёв краски, а и искусственно, за счёт применения специального лака. Но представить, что кто-то специально пишет мой портрет столь странным образом, чтобы заманить меня к себе на работу, я не могла. Сказочно-маньячный сюжет какой-то. Чувство при этом возникало вовсе не сказочное, а этакое мерзко-липко-гадливое. Такое возникает, когда ты понимаешь, что за тобой кто-то тайно подсматривает. Даже костюм Павла теперь производил на меня отталкивающее, мерзкое впечатление, хотя сам он был довольно привлекательным молодым человеком.

– Могу рассказать, что экскурсовод живёт в огромном доме господина Эмеркара совершенно бесплатно и время от времени водит гостей по картинной галерее, которая занимает два больших этажа. Нужно будет своевременно вызывать реставраторов, иногда покупать новые произведения искусства или продавать некоторые из них, господин Эмеркар всегда сам выбирает, что покупать и что продавать. Зарплата у экскурсовода достаточно высокая, но я честно не знаю, какая. Как я понял, премиальные превышают зарплату в разы. Одна из девушек, которые работали у него ранее, говорила, что господин Эмеркар подарил ей несколько ценных полотен, когда она увольнялась.

– Похоже, что в этом предложении о работе много скрытых нюансов, – сказала я. – Майя, а ты что думаешь?

– Я вот слушаю вас обоих, – сказала Майя, – и понимаю, что это какое-то действительно странное предложение. Но ты не подумай, я просто узнала тебя на картине, которую мне Паша показал. Потому и позвонила. Я не знала о странностях этого господина Эмеркара.

– А вы с Павлом просто друзья? – спросила я.

– Да, просто друзья, – сказала Майя. – Ну иногда ходим куда-то вместе. Но романтики между нами не было, да, Паш?

– Я вообще жениться собираюсь, – сказал Павел. – Так что мои романтические предположения уже давно определены... Минуточку... Господин Эмеркар пишет, что хочет поговорить с тобой онлайн. Ты не против?

– Не против.

Павел достал из кармана складную подставку для смартфона и установил её на столе, повернув ко мне экран. Майя сидела за столиком так, что попадала в кадр в очень удачном ракурсе: свет от окна превращал её локоны в нимб, а лицо мягко подсвечивалось.

– Здравствуйте, сейчас включу камеру, – услышала я чуть хриловатый голос.

На экране появился сорокалетний мужчина в сером пиджаке и тёмно-синей рубашке. Волосы его не были тронуты сединой, лицо выглядело гладким и подтянутым, но во взгляде блестящих серо-голубых глаз читались возраст и опыт.

– Рад познакомиться с Вами, Ксения, – сказал он. – Называйте меня «господин Эмеркар».

– У Вас необычное имя, – сказала я. – Слышала, что Вы ищете экскурсовода в свою галерею?

– Я понимаю, насколько странным выглядит моё предложение. Но со временем Вы разберётесь в этой истории. К сожалению, я сам далеко не всё в ней понимаю, поэтому не могу быть уверен, что прав. У Вас не будет финансовых проблем, если Вы примете моё предложение. Это я могу гарантировать. И в моём предложении нет каких-то сексуальных подтекстов, наши отношения будут только деловыми и профессиональными.

– Мне нужно подумать, – ответила я после небольшой паузы.

– Подумайте. Я Вас не могу торопить, хотя времени очень мало. Буквально ещё чуть-чуть, буквально несколько часов, и Ваше согласие, наверное, уже не будет ничего определять. Павел, давайте остановим поиск по этой вакансии. Я не буду встречаться с другими кандидатурами. Ксения идеально подходит.

– Хорошо, господин Эмеркар, – сказал Павел, оставаясь за кадром.

– Ксения, когда Вы согласитесь, буду рад встретиться с Вами лично. До свидания.

– До свидания.

Он прервал звонок. У меня возникло чувство, что меня куда-то затягивают, в какую-то пропасть, в которую я уже начинаю падать. Неприятное чувство. И что это вообще значит: «Ваше согласие уже не будет ничего определять»? Хм! Прозвучало почти как угроза неизбежности.

– Павел, Майя, спасибо вам за эту возможность, – сказала я. – Мне правда надо подумать.

– Господин Эмеркар производит очень благоприятное впечатление, – сказала Майя.

– Эх, если бы он мне такое предложил, я бы, наверное, согласилась без раздумий. Но я тебя понимаю, подруга. Ситуация и правда немного нереальная.

– Ладно. До встречи.

Мне никуда не нужно было торопиться, но я физически ощущала необходимость выйти на воздух. Сердце учащённо билось. И даже пот выступил на спине.

Я, не застёгивая пальто и открыв шею февральскому ветру, прогулялась по Ильинскому скверу. Вскоре мне стало холодно, я застегнула пальто, закуталась в шарф, одела варежки и решила не идти пешком до Чистых прудов, нырнула в метро. В животе появилось ощущение внутренней мелкой дрожи. Может, я заболела? К себе домой мне не хотелось. Люди вокруг

меня, в метро, как будто бы успокаивали, возвращали моё внимание в реальный мир из морока, в который я поневоле занырнула. Я достала телефон и набрала номер Гавриила.

– Гаврюш, привет, я бы с тобой где-то кофе-чаю попила. Ты в каком районе сейчас?

– Я как раз пообедать собираюсь. Может, в «Шатре» на Чистых увидимся?

– Давай.

Я проехала одну станцию на метро до Тургеневской, потом села в трамвай и вышла на Покровских воротах. Гавриил уже ждал меня у входа в ресторан «Шатёр», который был расположен прямо на Чистом Пруду. Он обнял меня, и я приникла к нему вся, как-то расслабилась и размякла, как бывало когда-то раньше.

– Как ты, Ксюш?

– Не знаю. Расскажу. Очень непонятное чувство.

У меня совсем не было аппетита. Я заказала большой латте. Гавриил ожидал своего обеда, а я рассказывала ему о странном предложении господина Эмеркара. Когда я описала ему, какие эмоции у меня вызвал видеозвонок, Гавриил сказал:

– Ксюш, ну его, этого странного господина. Тебе же прям душа твоя подсказывает не лезть в это дело.

– Ты прав, – согласилась я. – И ведь пока ты это не сказал, для меня это не было очевидно. Спасибо, Гаврюш.

– Может, закажешь что-то, кроме кофе?

– Нет, совсем не хочу есть. Но ты кушай. Я посижу рядом.

За окнами ресторана простирался Чистый пруд, покрытый льдом, засыпанный снегом. Я вспомнила как мы с Гавриилом приходили сюда летом, и смотрели на плавающих мимо уток, на густые зелёные водоросли, которые колыхались под поверхностью прозрачной воды, и Гавриил рассказывал мне сказки о том, что в пруду живут русалки и водяные. Как быстро летит время! И как жестоко оно исчезает в небытии, как будто бы стирает всё, что было, и всё полузабытое продолжает существовать только в зыбких фигурах памяти.

В это время зазвучал телефонный звонок. Квартирная хозяйка.

– Здравствуйте, Елена Агафоновна.

– Здравствуй, Ксюша. Хочу сообщить, что у нас истёк договор аренды квартиры. И я буду поднимать арендную плату. У нас квартира была 100 тысяч в месяц, теперь я хочу 180.

– Это слишком много, Елена Агафоновна.

– Такие цены на рынке, Ксюша. Если дорого, съезжай через две недели. Арендатор у меня уже есть.

– Я поняла.

– Неприятности? – спросил Гавриил.

– Квартирная хозяйка поднимает аренду на 80 тысяч.

– Ничего себе! А как у тебя с деньгами?

– Негусто, Гаврюш.

– У меня тоже, честно говоря, есть сложности. Рассчитывал на деньги спонсора, который отказался. Второй кандидат в спонсоры тоже тянет время, не принимает решение. Честно говоря, мне вчера уже предложили место бариста.

– Бариста? Ты ведь уже был бариста?

– Да, когда жил в Ярославле, занимался единоборствами и копил деньги на поездку в Москву. Ты же помнишь, я рос без отца, и мне пришлось зарабатывать с четырнадцати...

– Помню, Гаврюш. И что, ты думаешь согласиться?

– Что я думаю... Честно говоря, быть баристой – не моя мечта детства. Я всегда хотел, чтобы в моей жизни были захватывающие дух приключения, чтобы происходило что-то по настоящему осмысленное, неповседневное. И я уж точно не хотел, чтобы моя жизнь превра-

тилась в тупую борьбу за выживание. Но... в качестве жизненного парадокса, я скорее всего я приму их предложение, потому что они обещают хороший процент от кассы.

– Значит, театральный проект откладываешь?

– Вынужден, Ксюш. Я вчера заплатил за аренду квартиры, и осталось 120 тысяч от прошлого моего проекта. Дальше не знаю, на что жить. Не просить же у мамы!

– Ты талантливый, умный, красивый. Найдёшь выход. Я тоже думаю, что бариста – не твоё будущее. Но если станешь бариста, я буду приходить пить кофе только к тебе.

– Ну а какое у меня будущее? Москва – город связей, здесь ничего невозможно получить, если по твоему поводу не позвонил какой-нибудь уважаемый человек. Если пришёл сам, без звонка, то все смотрят на тебя как на пришельца из космоса, и в глазах читается безмолвный вопрос: «Откуда ты взялся? Кто ты такой? Ты чей?». И молодые люди вроде меня работают баристами, официантами, курьерами, кассирами, грузчиками, охранниками. Какие ещё у них есть варианты?

– Ну, Гаврюш, есть же и другой взгляд на вещи...

– Какой? Что если ты талантлив, тебе сразу же предоставят все возможности и дадут денег?

– Ну не сразу, наверное.

– Каждый день я пытаюсь доказать кому-то, что я талантлив. А большинство людей не понимают, что такое талант, поскольку сами его лишены. Они смотрят на меня и оценивают вовсе не талант, способности и творческий потенциал, они смотрят и оценивают, насколько я соответствую каким-то формальным критериям, насколько я благонадёжен, насколько я удобен им, создам ли я им какие-то проблемы или нет... Вот их критерии социального отбора!

– Ну, может быть, в твоей жизни всё-таки произойдёт то, чего ты так хочешь. Есть, например, ненулевая вероятность, что спонсоры дадут тебе денег на театральный проект.

– Есть такая вероятность, и она действительно больше нуля. Я оцениваю её как 2 процента. Более вероятно, что господин Эмеркар меня возьмёт вместо тебя, потому что разглядит меня где-нибудь на одной из его картин, – усмехнулся Гавриил. – Я вот когда таких чудаков богатых встречаю, думаю всё время, неужели они заработали свои безумные деньги, будучи такими же чудаками? Или они только потом чудить начали, когда уже мешки золотыми слитками набили?

Гавриил смотрел на меня вопросительно, как будто я могла ответить на его вопрос.

– Что ты на меня смотришь? Нет у меня ответа! – сказала я.

– Слушай, а может, Эмеркар станет спонсором моего театрального проекта?

– Хм. Твой изворотливый ум увидел новый вариант! – усмехнулась я.

– Ну а что?! Представляешь, ты у него работаешь, а он финансирует мой театр.

– Жаль, что я не могу согласиться на его предложение, – сказала я. – Просто не могу,

Гаврюш. Действительно, душа протестует.

Дальше мы болтали про разные пустяки, не думаю, что они будут тебе интересны, дорогой дневник, поэтому опушу эту часть нашей беседы. Потом мы побродили вдоль Чистого пруда, и Гавриил поехал по своим делам, а я осталась одна.

Впечатление от общения с Павлом, Майей и господином Эмеркаром развеялось. Я почувствовала себя совершенно нормально, поэтому зашла в магазин, купила продукты, и отправилась в свою квартиру готовить ужин. Хотелось побыть одной, посмотреть какой-нибудь сериал, принять горячую ванну и лечь спать.

Подойдя к дверям квартиры, я увидела на лестничной площадке мужчину. Я отметила, что одет он стильно и дорого, в руках кожаный портфель. Я отметила чёрные вьющиеся волосы, густую недлинную бороду и яркие карие глаза.

– Добрый день. Это Вы Ксения Чаплина?

– Да, – кивнула я.

– Очень прошу простить меня за вторжение в Вашу жизнь, но я говорил с Еленой Агафоновной, она сказала, что, возможно, Вы захотите съехать с квартиры через пару недель, и я бы очень хотел на минутку зайти, чтобы осмотреться.

– Мне Елена Агафоновна ничего не говорила о Вас, – ответила я.

– Ну зато мне она о Вас многое рассказала. Я, пока Вас ждал, даже один фильм с Вашим участием посмотрел. Очень талантливо. Очень. Я в восторге. Вы действительно планируете съехать? Или ещё не решили?

Я открыла замок ипустила в квартиру незнакомца.

– Ещё не решила. Елена Агафоновна хочет поднять квартирную плату со 100 до 180 тысяч. А я неделю назад уволилась из театра, и не уверена, что смогу потянуть такие расходы.

– Прекрасная квартира, – сказал незнакомец. – Тихая. Тёплая. Просторная. Две изолированные комнаты. Окна во двор, вид приятный. Не возражаете, если я пройду внутрь?

– Проходите, – разрешила я, удивляясь пронырливости этого господина.

Он заглянул в туалет и ванную комнату, на кухню, в спальню, в гостиную, быстрым взглядом пробежался по картинам, висящим на стене в гостиной, чему-то улыбнулся. Потом вернулся ко мне, всё ещё стоящей с пакетом продуктов у входа.

– Разрешите, отнесу продукты на кухню? – спросил он.

Я безмолвно отдала ему пакет, сама удивляясь тому, что до сих пор не выставила этого типа. Он очень быстро вернулся назад, помог мне снять пальто и аккуратно повесил его на вешалку. Я присела, чтобы снять сапоги, и он тут же услужливо принялся расстёгивать мне змейки на внутренней стороне сапог. Честно говоря, я даже сказать ничего не успела, а мои сапоги, уже протёртые откуда-то возникшей салфеткой, аккуратно стояли у вешалки.

– Вы позволите представиться? – спросил он.

Я кивнула.

– Меня зовут Марр. И я хочу сделать Вам предложение, касающееся этой квартиры. Пройдёмте на кухню, пожалуйста.

Продукты, принесённые мною, уже были частично разложены в холодильнике, частично лежали на разделочном столике. Марр открыл свой кожаный портфель и извлёк бутылку шампанского «Moscato d’Asti». Поразительно, это было моё любимое шампанское. Он виртуозно открыл бутылку и налил его в два бокала, которые, кажется, стояли на самой верхней полке, и я никогда их не доставала оттуда.

– За знакомство, уважаемая Ксения. Очень рад, что наши пути столь неожиданно пересеклись.

Бокалы зазвенели, я пригубила напиток, и он отозвался воспоминаниями о беззаботности и лете, наполнил сладкой истомой тело, я почувствовала прикосновения лучей солнца и запах моря. Италия! Как давно это было!

– Так позвольте изложить моё предложение.

Тут что-то случилось со временем, поскольку оказалось, что мясо, которое я принесла в пакете домой, уже приготовлено, и Марр раскладывает его по тарелкам, сервирует стол, на котором вдруг появились свежие розы в вазе. За окном уже воцарился густой синий московский вечер, оттенённый искрящимися в свете фонарей сугробами. Я осознала, что пью уже далеко не первый бокал, а вино в бутылке всё не заканчивается.

– Попробуйте, Ксения. Я приготовил специальный соус для этого мяса. Он идеально подходит к шампанскому.

Я положила в рот несколько кусочков сочного мяса и с удовольствием ощутила их потрясающе тонкий и гармоничный вкус.

– Если мы будем с Вами снимать эту квартиру вдвоём и делить арендную плату пополам, Вам это может быть интересно? Вы 90 тысяч, и я 90 тысяч. Конечно, мне придётся занять гостиную. Но мы можем поставить удобный диван на кухне, повесить здесь телевизор, и

кухня немножко станет гостиной. Площадь вполне позволяет. Разумеется, вся мебель и прочие мелочи за мой счёт. Что скажете?

Я попыталась ответить, но поняла, что мой язык уже не очень слушается меня. В следующий момент я уже осознала себя лежащей в постели, моя одежда была аккуратно повешена рядом на стул. Я была укрыта одеялом и безмятежно засыпала под воркование этого странного типа.

Запись о событиях 11 февраля 2024, воскресенье

Утром я проснулась в прекрасном настроении. В окна светило яркое зимнее солнце, его лучи разбудили меня. На душе было легко и хорошо. Я вышла из спальни, и увидела, что в квартире произошли перемены. На кухне появились новый, очень удобный диван, новый стол, стильные деревянные стулья. Телевизор из гостиной оказался повешен на кухонной стене. В бывшей гостиной теперь стояла большая кровать, в углу разместился роскошный письменный стол из красного дерева, картины на стенах висели уже другие. На тумбочке около кровати стоял кожаный портфель. Самого Марра в квартире не было.

«Вот чёрт!», – подумала я.

Конечно, я в любой момент могла уехать из этой квартиры и не участвовать в начавшейся вчера мистической фантасмагории. Но, признаюсь честно, мне было очень любопытно, что происходит. И я не ощущала никакой угрозы от Марра. Напротив, вкусное мясо, отличное шампанское, безупречная вежливость... Конечно, странно, что он меня раздел и уложил спать, но, возможно, я была в таком состоянии, что мне действительно требовалась помощь...

Я приняла ванну, и зайдя второй раз на кухню, увидела, что на столе накрыт великолепный завтрак. Я услышала женский голос, который что-то напевал в бывшей гостиной. Скоро в проёме кухонной двери появилась его обладательница.

– Ксения, доброе утро, – сказала она. – Меня зовут Лучия. Я приготовила нам завтрак.

– Скажите, а что вообще происходит?

– Давай на ты, Ксюш. Ладно?

– Если тебе так удобнее, Лучия...

– Да, так понятнее и проще. И не напрягает. Вижу, Марр ничего не объяснил тебе вчера, да?

– Смутно припоминаю, что он предложил мне арендовать эту квартиру пополам со мной, но больше ничего.

– Понимаю. Ты немного озадачена, – сказала Лучия. – Я тоже.

– Прости, Лучия, а ты его жена?

– Жена? Нет, ну что ты, Ксюша. Жена! Страшно представить! Конечно, нет. У Марра нет жены. Я часть его свиты. Конечно, я люблю этого старого чёрта, но наши отношения сугубо деловые, профессиональные.

Эта формулировка отозвалась во мне неприятным воспоминанием о видеосвязи с господином Эмеркаром. Но я решила не заикливаться на этом.

– Часть свиты? Я не ослышалась?

– Не ослышалась. Ты чем-то очень заинтересовала господина Марра.

– Думаешь, что я... понравилась ему... в романтическом смысле?

– О, думаю, что нет, дорогая. Марр совершенно не заинтересован в романтических отношениях с женщинами-людьми.

– Ты меня прям пугаешь, Лучия. Он что, зоофил, что ли?

Лучия звонко рассмеялась.

– Марр зоофил! Прекрасно! Ему бы понравилась эта шутка! Нет, дорогая. Ты, конечно, ещё не знаешь, как в этом мире всё устроено. Я тоже такой была. Со временем я тебе всё объясню. Марр попросил меня побыть с тобой, составить компанию, накормить завтраком, что я и делаю.

Я попробовала омлет, он был великолепен, как будто бы его сделали прямо из летних облаков.

– Потрясающе! Как ты его приготовила?

– Я тебя научу, – пообещала Лучия. – Марр поставил у тебя на кухне небольшой параконвектомат вместо электродуховки, пока ты спала.

– Похоже, он не теряет времени...

– Да, не теряет. Попробуй чай.

Глоток чая привёл мои рецепторы в такой восторг, что я удивлённо подняла брови.

– О, понимаю. Господин Марр любит хороший чай, это одна из его слабостей, – вновь улыбнулась Лучия.

– Зачем он всё это делает? – спросила я. – Я сомневаюсь, что ему действительно нужна половина этой квартиры.

– Даже не стану строить предположения. Хочешь со мной на шопинг?

– На шопинг? Сегодня я совершенно свободна. Но у меня почти что нет денег...

– Я угощаю, – рассмеялась Лучия. – О деньгах не беспокойся.

И мы поехали в торговый центр «Авиапарк». Лучия рассказала, что у неё есть банковская карта Марра, которой она может оплачивать что угодно.

– У меня складывается впечатление, что меня как бы покупают, – призналась я.

– Расслабься, Ксюша. Ты поневоле оказалась в таком кругу, в котором деньги почти не имеют значения. Их у Марра очень много, понимаешь? То, что мы с тобой потратим, он даже не заметит.

И мы потратили. А потом засели в двухэтажном итальянском ресторане на верхнем этаже «Авиапарка» и пообедали.

– Ты сказала, что состоишь в его свите. Что это значит вообще?

– Ну мы его сопровождаем как компаньоны.

– И много вас в свите?

– Кроме меня, Иннокентий, это водитель и личный помощник Марра, ты скоро с ним познакомишься. Есть ещё юноша Кирилл, но про него я точно не могу сказать, что он сейчас в свите Марра, поскольку он влюбился в Фаизу, сестру Эмеркара, и теперь они вместе, а нас он навещает лишь иногда.

– Эмеркара? Он из вашей тусовки? А кто такой вообще Марр? И кто такой Эмеркар? И что у них общего?

– Марр очень особенное существо. Он... чёрт. Как и Эмеркар.

– Ты не шутишь?

– Нисколько, – сказала Лучия, глядя мне в глаза.

– И Марр платит вам за то, что вы составляете ему компанию?

– Да, но тут дело вовсе не в деньгах, не в сексе, не в каких-то порочных пристрастиях. Мы необходимы господину Марру, так же, как и он нам. Ты скоро всё поймёшь. У меня к тебе тоже есть вопрос. Мне интересно, почему господин Марр так заинтересовался тобой? Что необычного случилось в твоей жизни в последние дни? И откуда ты знаешь Эмеркара?

Я рассказала Лучии про уход из театра, про пьесу о революции 1917 года, которую хотел поставить Гавриил, упомянула о странном предложении работать экскурсоводом в частной галерее господина Эмеркара. И о картине, на которой виден мой портрет в кроне дерева.

– А, ну теперь мне всё становится ясно. Ты стала частью Большой Игры.

– Какой ещё игры?

– Думаю, не я должна тебе о ней рассказывать. Давай лучше поможем твоему другу Гавриилу. Какая сумма нужна ему, чтобы сделать свой театр и поставить пьесу?

– Ты серьёзно? – спросила я.

– Совершенно серьёзно. Я могу перевести ему любую сумму, какую ты назовёшь, – сказала Лучия.

– Нет-нет, подожди, Лучия. Мы с тобой знакомы несколько часов, а ты уже готова финансировать театр моего друга? Меня это почему-то беспокоит.

– И почему же? – доброжелательно поинтересовалась Лучия.

– Видишь ли, мы, и я, и Гавриил, жили в Москве, не очень богато, но самостоятельно, у нас было множество финансовых трудностей, но мы сводили концы с концами и никого не просили о помощи. И тут появляетесь вы все. И вот так, запросто раздаёте нам деньги на оплату квартиры, на шопинг, на новую мебель, на параконвектомат, на открытие театра... Я уже не понимаю, как за всё это буду расплачиваться! Ещё и Гавриила сделаю вам обязанным!

– Ксюш, тебе не придётся за это расплачиваться. Я тебе это совершенно искренне обещаю.

– Весь мой прошлый опыт, Лучия, подсказывает, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. И ты упоминаешь о какой-то Большой Игре. Может, это вообще телешоу в реальном времени?! Или какая-то секта с человеческими жертвоприношениями?

Лучия рассмеялась.

– Да, наверное, будет лучше, если ты сама во всём разберёшься, а потом сама будешь оплачивать свои желания. Я тебя понимаю. Ты слишком долго жила в мире людей. Теперь твоя жизнь начнётся совсем в другом мире.

– В каком же?

– В мире чертей, – доброжелательно улыбнулась Лучия.

– А, да. Черти. Ну в это я как-то не могу поверить от слова «совсем». Я же не маленькая девочка, мне больше не нужно рассказывать сказки.

– Сама скоро увидишь. Поехали к тебе? Марр прислал за нами машину. Познакомлю тебя с Иннокентием.

– Поехали, – согласилась я, всё ещё пребывая в смешанных чувствах.

Моя голова чуть кружилась. Я ощущала эмоции, о существовании которых в своей душе даже не догадывалась. Это была смесь удивления происходящим в стиле «Неужели это правда происходит со мной?», захватывающего окаянного восторга, какой бывает, когда выпрыгиваешь из самолёта в воздух с парашютом за спиной, безумной энергии, пронизывающей все клетки тела, лёгкого, чуть веселящего страха и беспокойства о том, что меня пытаются обмануть и использовать. Весь этот эмоциональный коктейль накрывало ощущение судьбы, неизбежности и неотвратимости происходящего, а внутри остро звенела нота собственного предназначения.

Слабое подобие этих эмоций у меня бывало, когда мне давали новую роль в театре. Но там ведь это было немного не по-настоящему, ради игры на сцене. А здесь всё происходило в реальной жизни, и я вовсе не играла никакую роль, этот коктейль чувств был моим собственным ураганом внутри.

Мы спустились по эскалаторам и траволаторам вниз, автомобиль ждал нас на парковке недалеко от выхода. Пакеты с покупками заняли весь багажник. Я села сзади рядом с Лучией.

– Кеша, познакомься, – сказала Лучия. – Это Ксюша.

– Рад, много слышан о тебе от господина Марра, – сказал Иннокентий. – Едем в квартиру Ксении?

– Да, господин Марр уже там? – спросила Лучия.

– С ним ещё и Фаиза с Кириллом, – усмехнулся Иннокентий.

– Эмеркар отправил послов?

– Да, наша Ксюша сейчас в центре внимания, – сказал Иннокентий.

– Вы о чём? – спросила я.

– Скоро поймёшь всё, Марр объяснит, – сказала Лучия.

– Без тебя, Ксюша, – добавил Иннокентий, выезжая с парковки, – не получится сделать то, что задумали Марр и Эмеркар. Но они как бы, сохраняя внешне дружеские отношения, немного соперничают. Каждый хочет выиграть в Большой Игре.

– А в чём, собственно, эта Большая Игра заключается? – спросила я.

– Пусть лучше Марр тебя посвятит, – сказал Иннокентий.

В салоне автомобиля зазвучала инструментальная музыка, которой я никогда ранее не слышала. Ощущение лёгкой нереальности происходящего из-за музыки только усилилось.

Иннокентий ехал по дорогам, которые каким-то чудом были свободны в Москве в этот час. Мы преодолели расстояние от Авиапарка до Чистых прудов не больше, чем за двадцать минут.

Мы вышли из машины втроём, Кеша помог нам поднять наверх пакеты. Войдя в дверь, я не узнала квартиру. Казалось, она стала намного просторнее, чем была. В коридоре появились удобные скамейки, вместо старой вешалки для одежды возникла новая, очень красивая, на стенах в коридоре повисли картины, мягкий ковёр покрывал пол коридора, делая шаги по нему беззвучными. Я сняла пальто, одела тапочки, прошла внутрь. Отметила, что на кухне кто-то есть: там были слышны голоса и смех, но вошла я в бывшую гостиную. Я уже писала, что утром там появились большая кровать Марра и его письменный стол, а сейчас я обнаружила, что стены гостиной буквально раздвинулись, там же появился большой шкаф, а рядом с ним расположились удобные кожаные кресла и диваны, на которых Марр и расположился. Перед ним на низком столике стоял огромный компьютерный экран, Марр что-то делал на нём с помощью электронного пера.

– О! Друзья! Рад вас всех видеть, – сказал Марр, лёгким движением переставляя монитор на письменный стол. – Ксения, я передаю Вам официально оформленный документ. Пока Вас не было, заходила Елена Агафоновна. Ей не понравились некоторые изменения в её квартире, которые я осуществил. Поэтому мы с Еленой Агафоновной всё обсудили, и пришли к мнению, что она больше не является хозяйкой этой квартиры. В общем, она согласилась сделать полновластной хозяйкой Вас. Только нужна Ваша подпись здесь и здесь, и Иннокентий сразу же отвезёт документы нотариусу.

Я просмотрела документы. Договор купли-продажи квартиры, официально оформленная у нотариуса расписка от Елены Агафоновны в получении денег, сто миллионов рублей. Все данные моего паспорта и прочая информация были указаны верно.

– Но зачем Вы это сделали, господин Марр? – спросила я.

– Елена Агафоновна будет нам мешать, если останется хозяйкой. А Вы уже часть нашей компании, так что с Вами мы всегда найдём общий язык. Так будет проще.

– И как я смогу отплатить Вам за это, господин Марр?

– Ну что Вы, Ксения... Иннокентий, давай документ.

Иннокентий достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вдвое документ на гербовой бумаге, упакованный в файловую папку, и протянул его мне.

– Как видите, это документ в двух экземплярах, который подтверждает, что Вы не имеете никаких обязательств передо мной, – пояснил господин Марр. – Вы можете его подписать. Моя подпись на нём уже стоит. Он тоже будет зарегистрирован у нотариуса.

Иннокентий протянул мне авторучку, я подписала все документы, после чего отдала их Иннокентию, и он, пообещав вернуться через час, вышел.

– Ну что же, выпьем шампанского, – предложил Марр. – С новосельем, дорогая Ксения!

Лучия уже вкатила в комнату маленький столик на колёсах, и расположила его между кожаными диванами и креслами. Несколько блюд и бокалы переключались на журнальный столик. Шампанское, как и вчера, из бесконечной бутылки «Moscato d'Asti», лилось всё такое же пузыристое и свежее, вкусные бутербродики, фрукты, пирожки, конфетки украшали стол и соблазняли запахами.

Лучия, господин Марр и я соприкоснулись бокалами.

– За успешное начало Большой Игры, – сказал господин Марр.

Мы выпили.

– Господин Марр, у Ксюши очень много вопросов к Вам, – сказала Лучия. – Я сказала ей, что она стала частью Большой Игры, и что Вы можете рассказать об этом подробнее.

– Наверное, самое время посвятить Ксению в глубокие тайны Универсума, – серьёзно сказал Марр. – Но я сразу предупреждаю: хотя всё, что я скажу, – это чистая правда, выглядит она как бред шизофреника.

– Со вчерашнего дня моя жизнь наполнена такими событиями, что если я начну их кому-то рассказывать, меня тоже посчитают сумасшедшей, – заявила я.

Головокружение усилилось из-за шампанского, и я не очень контролировала, что говорю. Впрочем, Марр воспринял моё заявление благосклонно.

– Я кое-что покажу Вам, Ксения. Лучия, сними со стены картину.

Лучия подошла к стене, сняла большую картину и поставила её на пол. На полотне был изображён красивый морской пейзаж. Господин Марр протянул мне руку и сказал:

– Пойдёмте со мной.

Мы встали перед картиной, держась за руки. И вдруг картина стала оживать. Я почувствовала морской бриз. А потом господин Марр шагнул в картину и увлёк меня за собой. Я оглянулась. Квартиры позади нас уже не было. Мы находились на берегу моря, позади нас высились горы, покрытые лесом. Воздух был чист и свеж.

– Как мы здесь оказались? – спросила я.

– Наш Универсум нарисован художником, – сказал господин Марр. – Универсум – это картина, в которую мы когда-то вошли, и теперь живём в ней. В слове «Вселенная» скрыта информация о том, что мы были в неё вселены. Но здесь, внутри, мы тоже можем писать картины и входить в них. Есть, правда, одно условие: картина должна быть шедевром. Если картина не шедевр, войти в неё невозможно. Мы занимаемся тем, что ищем выход из той картины, в которую мы вошли, чтобы оказаться в нашем Универсуме. Мы хотим выйти в то пространство, где находился нарисовавший её художник. Как найти выход из той картины, в которую мы с Вами сейчас попали, Ксения, я знаю. А как найти выход из картины, которую мы воспринимаем как наш Универсум, мне неизвестно. Этот поиск выхода и есть Большая Игра. И, судя по всему, Вы можете помочь в решении этой задачи и в завершении Большой Игры. Теперь Вы понимаете, что это не Вы мне обязаны, а я Вам? Без Вас Большая Игра не может начаться. Это, если Вам угодно так думать, и есть Ваше предназначение в этом Универсуме. Ну а сейчас попробуйте вернуться обратно в свою квартиру из этого прекрасного места.

Я огляделась вокруг. Пейзаж выглядел совершенно реальным. Я наклонилась и потрогала рукой песок, подошла к морским волнам и притронулась пальцами правой руки к воде. Всё было настоящим. Мимо пролетела чайка. Марр смотрел на меня и улыбался. Он выглядел совершенно безмятежным. И вдруг краем глаза я заметила какую-то висящую в воздухе неоднородность, как будто бы краешек большой линзы немного искажал изображение гор. Я направилась к этой неоднородности, и она стала увеличиваться в размерах. Скоро я стала видеть пейзаж как будто через хаотично искривлённое стекло. Я шагнула в линзу и вновь оказалась в гостинной. С моих тапочек на пол посыпался песок. Господин Марр вышел из картины следом за мной. Интересно, что когда он выходил, он сначала выглядел как мутное, расплывчатое изображение, а потом стал реальным.

– Теперь я готов рассказать Вам, Ксения, о важности Большой Игры. Этот Универсум разрушается. Мы думаем, это происходит потому, что повреждена картина, которая стала причиной его возникновения. Боги-художники, написавшие картину затеряны в этой бесконечности, и с ними связаться не удаётся. Но есть один бог, отверженный и наказанный, который всё ещё находится рядом с нашим Универсумом. Его имя Эльдин Энгрикенн. Он сможет показать нам выход наружу, если мы поможем ему освободиться из плена, в котором он находится почти что с начала времени. Связь с ним поддерживает Кирилл, с которым я скоро Вас познакомлю. А Вы, Ксения, – один из элементов ключа, который откроет тюрьму Эльдина. Я не буду углуб-

ляться в обилие нюансов и деталей. Со временем Вы всё начнёте понимать глубже и со всех сторон, но пока и этой информации должно быть Вам достаточно.

– Не идёт ли речь о том, что Вы собираетесь принести меня в жертву, господин Марр?
– я задала этот вопрос немного неожиданно для самой себя, но моё тело откликнулось на него учащённым сердцебиением.

Глаза Марра удивлённо расширились.

– Хорошенького Вы о нас мнения, Ксения. Нет, конечно, нет. Принесение жертв никогда никому не помогало, – усмехнулся Марр. – Это чисто человеческое развлечение. Мы, черти, развлекаемся иначе.

– Так вы правда черти, то есть Вы и Эмеркар? – спросила я.

– Да, но не в том смысле, в каком вы, люди, привыкли понимать это слово. Мы из другого мира, который называется Ад. И доступ туда сейчас очень затруднён, хотя именно Ад является миром, который объединяет все остальные. На нашей планете много миров, вся система миров на Земле традиционно называется мирозданием. Раньше мы свободно переходили из одного мира в другой, а сейчас миры разделились, поэтому мы предположили, что с картиной, создавшей наш Универсум, что-то не так. Разумные существа, населяющие Ад, называют себя чертями. Но ещё раз подчеркну: к вашей религиозной картине мира это не имеет почти никакого отношения.

Я кивнула. Почему-то в моём сознании была звенящая пустота. Вопросов было много, но я не могла их сформулировать. И в сознании почему-то застряло употреблённое Марром слово «почти». Слова вдруг перестали складываться в вопросы. Может быть, шампанское или вход в картину так подействовали на меня? Не знаю.

– Пора познакомить вас с Кириллом и Фаизой, – сказал господин Марр. – Лучия, пригласи гостей.

Лучия вышла и, открыв дверь на кухню, громко сказала:

– Ваш выход.

Я уже видела Фаизу и Кирилла на картине, которую мне показывал Павел. Это точно были они. Сегодня на Фаизе было надето изумрудное платье удивительной красоты, чудесные туфельки, а её шею украшало кольцо, которое производило впечатление настолько дорогого, насколько это вообще возможно. Кирилл был одет в джинсы и изящно облегающую его стройную фигуру футболку, поверх которой был небрежно наброшен помятый пиджак, на его ногах красовались роскошные туфли.

– Привет, Ксения! Как ты похожа на свой портрет! – воскликнул Кирилл, глядя на меня.
– Я Кирилл, если ты ещё не догадалась.

– А я Фаиза. Жаль, что ты отказалась от предложения моего брата Эмеркара. Возможно, мы бы с тобой уже давно открыли Большую Дверь, и сейчас все собравшиеся не мучились бы неопределённостью.

– Не очень понимаю, о чём ты, Фаиза, – сказала я.

– Я о Большой Двери, которая выводит из этого Универсума вовне. О чём же ещё! Мой брат Эмеркар и Марр – давние соперники. Каждый из них хочет освободить Эльдина, и выйти за Большую Дверь, чтобы с его помощью получить самую-самую великую власть из всех возможных в нашем Универсуме. Игры мальчишек всегда одинаковы: они соревнуются, кто будет царём горы. Нам, девушкам, это не свойственно. Но забавно видеть, как двое чертей пытаются обогнать друг друга в стремлении угодить старому богу, которого, кстати, посадили в тюрьму, потому что он разрушал созданные другими богами миры. Недаром же его называют Эльдин Разрушитель Миров. Что он натворит, когда его сюда вытащат, трудно даже себе представить. Я каждый день говорю Эмеркару, что Эльдин не будет плясать под янтарную скрипку. Кроме того, у него за миллиарды лет одиночного заключения крыша точно поехала.

– Фаиза, ты остаёшься по-прежнему очаровательной и совершенно невыносимой, – улыбнулся Марр. – С другой стороны, я рад, что наконец-то ты признала, что именно Эмеркар выкрал янтарную скрипку из моего тайника в горах Алатау.

– Ну а кто ещё это мог бы быть? – спросила Фаиза. – Не будь наивным! Налей мне шампанского из твоей бесконечной бутылки!

Лучия принесла ещё два бокала и поставила их на стол. Марр налил всем шампанского.

– За знакомство с Ксенией! – провозгласил тост Кирилл.

Мы соприкоснули бокалы и выпили.

– Что собираешься делать, Марр? – спросила Фаиза. – Все, кто был на картине, сейчас здесь, в этой комнате. Но Ксения с тобой, я со своим братом Эмеркаром, а Кирилл со мной. Нам нужно действовать вместе, если вы с Эмеркаром действительно хотите освободить Эльдина. Хотя я этого совсем не хочу и, честно говоря, готова просить вас не делать этого, но ведь вас обоих это не остановит.

– Ну а какой выход у нас есть? – спросил Марр. – Если картина, написанная Ал Рокусом, создателем этого Универсума, разрушится окончательно, мы, скорее всего, просто растворимся в великом ничто. Даже если мы найдём Большую Дверь, кто из нас обладает достаточным мастерством, чтобы реставрировать этот шедевр? Один неверный мазок кистью – и законы Универсума изменятся, целые галактики исчезнут или появятся, да и сами мы с высокой вероятностью исчезнем...

Фаиза взглянула на Марра насмешливо:

– Ага. Если картину Ал Рокуса едят крысы, пожирает плесень, или она трескается от древности, то, наверное, нам всем будет плохо. Но если разрушитель миров Эльдин прикоснётся к ней своей кистью, возможно, он уничтожит всех нас и весь этот Универсум просто чтобы мы не путались у него под ногами. Его главный мотив, насколько я понимаю, – месть Ал Рокусу и другим старым богам. А мы – всего лишь расходный материал, допустимый ущерб.

– У меня кончились аргументы, – сказал Марр. – Я понял, что вся ответственность за последствия освобождения Эльдина Энгрикенна лежит на моих плечах и на плечах Эмеркара. А ты невинная овечка, как обычно, которая всех предупреждала. Довольна ли ты такой ролью?

Фаиза рассмеялась приятным мелодичным смехом.

– Я не боюсь исчезнуть, – сказала она. – По крайней мере я исчезну влюблённой. Ещё шампанского!

Фаиза поцеловала Кирилла, и было видно, как Кирилл буквально растаял от её поцелуя. Вот чертовка!

Мы вновь осушили бокалы. Шампанское в бутылке и впрямь даже не думало заканчиваться. Впрочем, на фоне всего происходящего меня это уже не удивляло. Опыянение охватывало моё сознание мягкими лапками всё крепче.

– А что же мы должны сделать, чтобы освободить Эльдина? – спросила Фаиза.

– Понятия не имею. Надеюсь, всё произойдёт само собой, – сказал Марр. – Будущее сформирует настоящее, как это обычно и бывает.

– А если всё само собой не произойдёт? – спросила Фаиза. – Что вы с Эмеркаром будете делать тогда?

– Не знаю, – пожал плечами Марр. – Будем искать другие варианты. В конце концов, есть ещё Рамсахеш.

– О! Этот сумасшедший джинн совсем помешался на своих контактах с шуатри, – сказала Фаиза. – А Вы ему доверитесь главный секрет Универсума собрались!

– Тем не менее, он установил контакт с Эльдином, – сказал Марр. – Мне известно, что Эмеркар получил от Эльдина некоторые инструкции через Рамсахеша и Кирилла.

– Думай что хочешь, Марр. Я об этом ничего не знаю. Кстати, я привезла ту картину, – сказала Фаиза. – Она на кухне. Может быть, поможет, если повесить её здесь?

– А принеси-ка её сюда, – попросил Марр.

Фаиза вышла из комнаты и через несколько секунд вернулась с той самой картиной, которую мне показывал Павел.

Марр взял картину и повесил её на место морского пейзажа, который так и стоял при-слонённым к стене. То ли освещение сыграло свою роль, то ли шампанское, но мне показалось, что листья в кроне дерева колышутся под дуновениями лёгкого ветра.

В это время у меня зазвонил телефон. Гавриил.

– Привет, Гаврюш.

– Привет, Ксюш. Как ты?

– Даже не знаю, как сказать. В целом всё хорошо.

– Решила вопрос с квартирной платой?

– Да, всё решилось само собой.

– У девушек всегда так, – сказал Гавриил. – Хочу к тебе зайти на чай. Тортик несусь.

– Заходи, – сказала я и положила трубку. – Ко мне друг сейчас придёт. Гавриил.

– Очень хорошо, – сказал Марр. – Возможно, будущее уже начало менять настоящее. С удовольствием познакомимся с твоим другом.

– А как мне всех вас ему представить? – спросила я.

– Мы твои новые друзья из клуба любителей живописи, – сказал господин Марр. – Собрались, чтобы обсудить новые картины в коллекции клуба, и сделали у тебя импровизированную выставку.

– Мне эта роль очень нравится, – засмеялась Фаиза. – Ты стал настоящим выдумщиком, Марр! Просто театральный режиссёр, и сценарист заодно.

Было видно, что Марр не очень реагирует на эмоциональные выпады Фаизы. Но она не унималась.

– Марр, – продолжала она. – Как думаешь, мне стоит сыграть роль соблазнительницы друга нашей Ксении? Ты же у нас режиссёр.

– Фаиза, что ты вообще делаешь? – спросил Кирилл.

– Я же просто играю, дурачок... углубляю театральную интригу, – Фаиза вновь поцеловала Кирилла, но он уже был не в романтическом настроении и отстранился.

Мне тоже не очень понравилась мысль о том, что эта чертовка начнёт строить глазки моему Гаврюше. Мы выпили ещё по бокалу, а потом раздался звонок в дверь. Это был Иннокентий, который привёз документы от нотариуса.

– Твой экземпляр, Ксюша, – сказал он, протягивая мне файловую папку. – Господин Марр, я нужен Вам здесь или подождать в машине?

– Иннокентий, ты вообще свободен на сегодня, – сказал Марр. – Только машину завези на СТО, пусть посмотрят свечи. А я сам до особняка доберусь.

– Будет сделано, господин Марр.

Как раз, когда из двери выходил Иннокентий, пришёл Гавриил с тортиком. Гавриил удивлённо взглянул на Иннокентия, но тот только кивнул ему с улыбкой, и сбежал вниз по ступенькам лестницы.

– Привет! – сказал Гавриил. – Держи тортик. Ух ты, у тебя тут радикальные перемены!

– Проходи, рада тебя видеть. Сейчас познакомлю с новыми друзьями.

– У вас что, вечеринка? Я удачно заглянул на огонёк...

Я проводила Гавриила в бывшую гостиную.

– Знакомьтесь, это Гавриил, мой хороший друг. А это господин Марр, Фаиза, Лучия и Кирилл.

Лучия уже наливала шампанское из бесконечной бутылки:

– За знакомство, – сказала она, протягивая бокал Гавриилу.

Мы выпили.

Потом мы с Лучией пошли на кухню, чтобы нарезать торт и приготовить чай. Лучия посмотрела на меня с улыбкой.

– Гавриил в тебя влюблён.

– Мы были вместе, но потом расстались. Из-за всяких глупостей. Но он хороший, да.

– Ты готова войти в ту картину? – спросила Лучия. – Не побоишься?

– Когда я смотрю на полотно, мне кажется, что листья в кроне дерева шевелятся.

– Ну тогда попробуйте войти в картину вдвоём, – сказала Лучия. – Держись ближе к Фаизе. В случае опасности она – твоя лучшая защита.

– Спасибо, Лучия, – кивнула я.

Мы вынесли гостям чай и торт. Фаиза рассказывала Гавриилу про клуб любителей живописи и, кажется, настолько вошла в роль, что Гавриил слушал её с живым интересом. Он даже рот приоткрыл и, похоже, полностью попал под женское обаяние этой чертовки. Кирилл уже начал бросать на них ревнивые взгляды.

– Мазки кисти в «Менинах» Веласкеса называют свободными, – говорила Фаиза, красиво двигая обнажёнными до плеч руками, от чего её колье поблёскивало, привлекая внимание к полуобнажённой груди. – Это было очень большим новшеством в искусстве, за счёт такого приёма художник передавал текстуру и фактуру одежды персонажей. Но главная загадка картины состоит в том, что внимание зрителя, стоящего перед ней, разделяется, и зритель как бы распадается на несколько одновременно существующих зрителей.

– Никогда не смотрел на Веласкеса с этой точки зрения, – признался Гавриил.

– О, я могу тебе показать как писать в стиле Веласкеса, – сказала Фаиза. – Я когда-то брала уроки у одного из лучших мастеров.

– Я буду очень, очень благодарен, – проблеял Гавриил.

Больше я не могла терпеть этот флирт, поэтому подошла и демонстративно встала между Гавриилом и Фаизой.

Лучия, как будто бы не замечая всего этого, разливала чай по чашкам. Я взяла чашку и подала её Гавриилу, а себе взяла ещё одну. Вкус чая был совершенно потрясающим. На какое-то время беседа утонула, сменившись позвякиванием чашек и звоном десертных вилок.

С каждым глотком чая картина, висящая на стене, всё больше оживала.

– А это та самая картина? – спросил Гавриил, проследив направление моего взгляда.

– Да. Она буквально притягивает меня.

– С тобой всё хорошо? – спросил Гавриил.

Должно быть, я побледнела и начала падать в обморок. Картина тянула меня к себе всё сильнее. Я услышала крик Фаизы:

– Кирилл, идём за ней!

И всё исчезло. Мир как будто выключили. Когда я очнулась, надо мной шелестела крона большого дерева, а Гавриил делал мне непрямой массаж сердца.

– Ффу! Ты жива! Я думал, у тебя сердце остановилось! – с облегчением воскликнул он.

Я приподняла голову. Из-за высокой густой травы ничего не было видно. Я села. Голова чуть кружилась, но в целом я чувствовала большую телесную радость, какая бывает при выздоровлении после тяжёлой болезни или когда чудом избежал смертельной ловушки. Когда я прыгала с парашютом, радость от удачного приземления была примерно такой же.

Кирилл и Фаиза стояли неподалёку от ствола дерева, они были к нему ближе, чем я.

– Как мы здесь оказались? – спросил Гавриил.

– Так бывает, в клубе любителей живописи, – сказала я, стараясь его успокоить. – Многие входят внутрь картин.

– Кажется, ты бредишь, Ксюш.

– Посмотри вокруг, Гаврюш. Ты внутри картины. Видимо, я утянула тебя за собой.

Гавриил огляделся. Воздух в этом мире был потрясающе сладким и приятным.

– Наверное, в чай что-то добавили, – сказал Гавриил. – Это галлюцинация.

– Думай что хочешь, – сказала я, поднимаясь на ноги.

– Фаиза, Кирилл! – крикнула я, но они не отозвались.

Я подошла к ним. Гавриил всё ещё оставался на месте и оглядывался по сторонам.

– Ксюша! Смотри на ствол, – крикнул Гавриил.

Около ствола действительно что-то происходило, там клубился то ли дым, то ли тёмный туман, который оформлялся в силуэт фигуры.

– Я подойду посмотрю, что там происходит, – сказал Кирилл. – Вы оставайтесь здесь, пожалуйста.

– Нет уж, мы с тобой! – решительно заявила Фаиза.

– Гавриил! Оставайся на месте! – крикнула я.

Он посмотрел на меня и кивнул.

Фаиза взяла меня за руку, и тут я заметила, что на ней уже было не ослепительно красивое платье с ошеломляющим колье. Фаиза была одета в джинсы, клетчатую фланелевую рубашку и кожаный жилет, на ее ногах были удобные кожаные сапожки, а на голове кокетливо красовалась тяжелая кожаная шляпа.

– Как ты успела переодеться так быстро? – спросила я.

– У чертовок свои секреты, – улыбнулась Фаиза. – Давай-ка я тебя тоже переодену, а то ты в домашних тапочках, это очень неудобно.

Не прошло и секунды, как я оказалась одетой в удобные джинсы, ботинки, футболку и лёгкую кожаную куртку. Я подумала, что внутри картин действует какая-то особая физика, похожая на магию, которая позволяет исполнять такие фокусы.

Мы двинулись следом за Кириллом. Каждый шаг давался с трудом, как будто само пространство сопротивлялось нашему движению. Дым у ствола клубился всё сильнее. И вдруг, в какой-то момент он двинулся навстречу Кириллу. Кирилл шёл к нему и не отрывал взгляда от расплывающегося нечёткого образа. Когда они сблизились, Кирилл протянул руку и коснулся дымного сгустка. В тот же миг дымный сгусток быстро двинулся к Гавриилу. Я закричала. Бесформенный дым вошёл внутрь тела Гавриила, и он упал.

В тот же миг исчезло сопротивление, которое мы с трудом преодолевали. Мы подбежали к Гавриилу. Он был очень бледен, но дышал, его сердце билось, но в себя он не приходил.

– Давайте вытащим его отсюда, – сказала Фаиза.

Я оглянулась вокруг и увидела неоднородность в пространстве, – дверь, ведущую из мира картины в наш мир. Мы втроём подняли бесчувственное тело Гавриила и понесли его к выходу. Минута – и Гавриил уже лежал на полу в бывшей гостиной, а мы пытались привести его в чувство. Лучия принесла лёд из морозилки, тёрла ему прозрачными и источающими капли кубиками виски, Кирилл бил его по щекам. Наконец, лицо Гавриила стало розоветь. Он глубоко вдохнул и открыл глаза.

– Гаврюш, как ты? – спросила я.

– Вроде хорошо, Ксюш, – сказал он. – Что это был за дымок? Наверное, я немного отравился, голова кружится.

– Сейчас станет легче, – сказала Лучия, подавая ему чашку остывшего чая.

Гавриил жадно выпил чай. Господин Марр пристально смотрел на Гавриила.

– Это ты, Эльдин? – спросил он.

И тут вдруг Гавриил заговорил чужим голосом:

– Да, это я. Моё сознание свободно.

– Гаврюш, что с тобой?

– Я здесь, Ксюш, – ответил Гавриил своим голосом. – А что случилось?

– У его тела сейчас два сознания, – сказал Марр. – И одно не знает, что делает другое.

Я с ужасом посмотрела на Марра.

– Верните мне моего Гавриила, – сказала я. – Мне ничего не нужно вашего, забирайте всё! Но верните его!

– Тихо, тихо, – сказала Лучия, глядя меня по спине.

– Ксения, успокойся, – сказал Марр. – Нам надо спокойно разобраться в ситуации.

– Мы будем искать решение, – заверила меня Фаиза. – Мы не знали, что это произойдёт и не планировали подселить сознание Эльдина Энгрикенна в тело твоего друга Гавриила. Мы разделим их как только поймём, как это сделать.

Я обняла Гавриила и начала его целовать. Мне показалось, что я смогу таким образом вернуть его. Но чужой голос спросил меня:

– Как твоё имя, красотка?

И тут моё сознание совершенно помутилось.

Запись о событиях 12 февраля 2024, понедельник

Дорогой дневник, события последних дней, можно сказать, сломили меня. Утром в понедельник, когда я проснулась, я почувствовала себя совсем без сил. Хорошо, что Лучия оказалась рядом и позаботилась обо мне, без её помощи я даже с кровати встать не могла.

Лучия рассказала, что вчера Марр, Фаиза и Кирилл увезли Гавриила в лабораторию Марра, чтобы понять, что произошло. Возможно, они найдут как вытащить из тела Гавриила сознание древнего бога Эльдина, но в мире чертей такого ещё никогда не происходило, поэтому на самом деле никто не знает, что нужно делать.

Я совсем слаба. Мне тяжело даже повернуться в постели. Видимо, моя психика не выдержала перегрузки. Это можно понять: весь привычный повседневный мир вдруг оказался разрушен и перевернут. Я сейчас смотрю на нотариально заверенные документы, лежащие на прикроватной тумбочке, на пакеты в углу рядом со шкафом, в которых ещё не распакованы мои вчерашние покупки, и ощущаю насколько вся эта материальная сторона жизни лишена смысла. Оказавшись в мире чертей, я получила явный материальный выигрыш, но утратила что-то очень-очень важное, ценнейшую частичку себя. Может быть, это и называется «продать душу дьяволу»?

Я была полной надежд и стремлений молодой женщиной ещё несколько дней назад. А кто я теперь? Слабая, больная, обессточенная почти старуха в теле молодой женщины. В теле, которое стало оболочкой для пустоты, воцарившейся внутри меня. Могла ли я отказаться, не соглашаться на предложения Марра? Могла. Или нет? Всё так завертелось, что у меня даже не было времени остановиться и подумать. Зато сейчас его избыток. А я даже ручку в руке с трудом держу. Надо поспать.

Запись о событиях 13 февраля 2024, вторник

Дорогой дневник, мне стало лучше. Лучия напоила меня горными травками вчера вечером, и я сегодня утром встала с постели уже без труда. Лёгкое головокружение осталось, есть и слабость, но уже не такая как вчера. Я выздоравливаю. И даже не знаю, что это была за болезнь. Лучия говорит, что я потратила много санты, когда уходила в картину и возвращалась обратно. Но что такое санта, толком не объясняет. Или я просто слишком слаба, чтобы понять. Она говорит, что сейчас общество чертей для меня не очень полезно, и обещает сегодня вечером напоить меня чудесным эликсиром, который она заказала у какого-то учёного чёрта по имени Автан.

Мне сегодня позвонил Гавриил.

– Привет, Ксюш. Я тебе цветы отправил. Сегодня привезут.

– Как ты? Расскажи, – попросила я.

– Мы в гостях у господина Автана. Я здесь вместе с Фаизой, Кириллом, Иннокентием и Марром, прилетели частным бизнес-джетом. Автан – это чёрт-учёный, он делает совершенно потрясающие исследования! Например, он понял, как Большая Дверь перемещается по Универсуму. Оказывается, она возникает только на тех планетах, на которых могут быть разумные существа, и её местоположение можно вычислить. Сейчас она возникла в горах Алатау, поэтому мы находимся здесь. Сегодня тебе вместе с цветами ещё лекарство привезут, жидкую санту. Марр и Фаиза говорят, что ты буквально сразу почувствуешь себя лучше.

– Знаешь, Гаврюш, я, когда полностью выздоровлю, наверное, работать пойду. На любую человеческую работу, какую предложат. Хочу пожить обычной человеческой жизнью. Что-то мне эти несколько дней с чертями дорого дались. Мне кажется, я потеряла что-то очень важное, как будто бы душу свою потеряла.

– Ничего. Восстановишь силы, начнёшь думать по-другому. С чертями весело и интересно. И, мне кажется, что впереди нас ждёт что-то очень важное.

– Расскажи лучше, удалось ли вынуть из твоего тела сознание Эльдина?

– Пока нет. Но я, кажется, научился договариваться с ним о передаче управления.

– Звучит очень опасно и тревожно. Прости меня, Гаврюш. Это ж я тебя втянула! Из-за меня ты влип в эту историю. Сама вот осталась без сил, а ты подцепил этого Эльдина себе в голову.

– Ну что ты, Ксюш... Я наоборот очень рад, что в моей жизни есть все эти приключения. Помнишь, я хотел приключений? Грех жаловаться, сейчас их избыток. Выздоровлявай. Может быть, завтра ты будешь относиться к этому с таким же интересом, как я.

– Сомневаюсь, Гаврюш. Я настолько выжата и пуста внутри, что уже даже плохо представляю себя на сцене. Я ведь там, когда играла в «Современнике», была полной энергии, силы, обаяния, уверенности. А сейчас я словно пустая форма. Меня выпили эти черти как бокал с шампанским. Шампанского больше нет, только бокал с запахом остался, и пара капель на стенках.

– Ты просто наберись терпения. Черти тебя вылечат жидкой сантой, наполнят твой бокал, они ребята деловые. Пока, мне пора.

Гавриил положил трубку. И только я успела записать в дневник этот разговор, как раздался звонок в дверь. Лучия открыла и крикнула мне, что это курьер, а через минуту появилась с огромным букетом цветов и с небольшой коробкой в руках.

– Ксюша, это тебе от Гавриила, – сказала она, протягивая букет. – А это от нашего друга Автана. Она открыла коробку и извлекла из неё маленькую пробирку, заткнутую резиновой пробкой. Внутри пробирки колыхались несколько миллилитров подвижной светящейся жид-

кости. На пробирке была наклеена этикетка с надписью от руки: «Не больше одной капли в день».

– Что это? – спросила я.

– Жидкая санта. Автан научился концентрировать санту в сто раз.

– Что же такое санта? – спросила я. – Ты мне когда-нибудь расскажешь?

– У человека есть душа, – сказала Лучия. – Благодаря ей человеческое тело поглощает пищу, воздух, воду и вырабатывает особую энергию. Её и называют сантой. Чертям она очень нужна, поскольку их собственные тела санту не вырабатывают, у них нет души. Вместо души у них «парана», в переводе с одного из адских наречий – это сущность, которая делает чёрта чёртом. Парана может только поглощать санту, что позволяет телу чёрта жить намного дольше в сравнении с человеческими телами. Поэтому черти нуждаются в человеческом обществе. В мире под названием Ад санта накапливается в природе в виде гигантских озёр, ею пронизаны воздух, камни, облака, а наш мир устроен так, что санта, которую вырабатывают живые одушевлённые существа, просто улетает в космическое пространство. Черти поглощают нашу санту, и особенно нуждаются в этом по утрам, после своих сновидений. Если им не хватает санты, их тело очень страдает, они называют эти страдания «утренником».

– Ага, так вот что означает загадочная фраза «Ты потратила слишком много санты, когда вошла в картину»!

– Именно. Кроме того, много чертей было рядом, и твоя санта впитывалась в их тела. Поэтому у тебя началось состояние, похожее на утренник у чертей. Только в отличие от чертей, твоё тело не может поглощать санту из тел других людей, сама ты быстро восстановить её запасы не можешь, поэтому тебе нужен иной источник. Автан прислал тебе жидкую санту. Считай, что это знак особого внимания и расположения к тебе.

– Почему господин Марр так легко тратит деньги? Частный самолёты, квартира, мебель, картины, – это всё очень дорого.

– Дело в том, Ксюша, что он тратит безналичные деньги. Когда-то этот вид денег придумал чёрт по имени Гален. Кстати, он же предложил людям использовать удивительные свойства кремния для производства вычислительной техники. Он шутил, что таким образом возвращает человечество к истокам: в каменный век... Изобретённые им безналичные деньги – это столь восхитительная стихия, что где бы люди их ни хранили, они хранят их у чертей. Таким образом, от того, что деньги переходят с одного счёта на другой, черти ничего не теряют, а напротив, зарабатывают на комиссиях, процентах и прочем. Понимаешь, о чём я говорю?

– С некоторым трудом, но, кажется, да, – кивнула я. – Получается, что вся наша человеческая экономика – это не больше чем иллюзия, а реальная экономика – это экономика чертей?

– Об этом ты сможешь лично поговорить с чёртом Галеном, если захочешь...

Про себя я подумала, что, как только выздоровлю, мне нужно будет вернуть себе мою собственную жизнь. Лучше всего будет снять другую квартиру, тогда я буду жить как раньше, а эту квартиру надо вернуть обратно чёрту Марру. Для него это ничего не значит, а для меня это будет символом возвращения в мир простой человеческой повседневности.

Лучия ушла и скоро вернулась с бокалом шампанского, в которое аккуратно капнула одну каплю из пробирки.

– Пей, Ксюша.

Я выпила напиток. И произошло чудо. Сила мгновенно вернулась ко мне. Не прошло и нескольких секунд, и энергии стало столько, что хотелось петь, танцевать, смеяться, бежать куда-то.

Я включила музыку, поставила цветы в вазу, заметила грязь на подоконнике, сбегала за тряпкой для пыли, вытерла её, начала распаковывать пакеты с покупками, примерила все купленные наряды, туфли, ботиночки, шарфики и шапочки, распаковала новую сумочку, обняла

Лучию и закружилась с ней в танце, убрала покупки в шкаф, выбросила старые вещи из шкафа. Потом я набрала номер Гавриила.

– Гаврюш, спасибо тебе за цветы. Передай огромную благодарность господину Автану за жидкую санту. Она полностью восстановила мои силы. Это потрясюще!

– Ксюша, прилетай, – сказал Гавриил. – Ты нужна мне! Очень нужна.

– Как мне найти тебя? – спросила я.

– Они приглашают скрипача. Эмеркар должен привезти его. Он сможет взять тебя с собой. Прилетай скорее.

– Мы летим к Гавриилу, – сказала я Лучии. – Как связаться с Эмеркаром?

– Не беспокойся, я всё организую. Видимо, начались ключевые события, если Гавриил просит тебя прилететь. Приходи на кухню, я сварила супчик. Пообедаем и начнём собираться.

Эмеркар появился через несколько часов в сопровождении моей подруги Майи Пинчанской. Это было немного неожиданно. Господин Эмеркар был подчеркнуто вежлив и даже несколько чопорен:

– Добрый вечер, Лучия. Добрый вечер, Ксения. Слышал, что Вы уже чувствуете себя лучше после освобождения Эльдина Энгрикена.

– Да, спасибо Вам, господин Эмеркар, – ответила я.

– Вы ведь знакомы, не так ли? Майя теперь работает в моей картинной галерее. Вы готовы лететь?

Мы с Лучией кивнули. Майя подошла ко мне, обняла и прикоснулась щекой к моей щеке.

– Ты как, Ксюш?

– Уже лучше, – сказала я. – А ты?

– Очень круто! – Майя буквально светилась от счастья. – Паша такой молодец, смог устроить меня на работу к господину Эмеркару!

– Сейчас мы заедем за Равилем, – сказал Эмеркар. – А потом все вместе поедem к моему самолёту. Внизу два чёрных автомобиля. Садитесь в любой из них. Майя, надо забрать с собой вот эту, эту и эту картину, а ещё ту, на которой изображена Ксения.

– Будет сделано, господин Эмеркар, – сказала Майя.

Лучия удивлённо воззрилась на Эмеркара.

– Простите, господин Эмеркар, но господин Марр ничего не говорил о том, что Вы заберёте его картины.

– Всё равно заберу, – сказал Эмеркар. – Кроме того, с чего ты взяла, что это его картины? В любом случае с тобой я это обсуждать не намерен. Можешь доложить своему почтенному шефу, сирю Марру, о свершившемся факте изъятия имущества в пользу нашего общего дела.

Мне такое поведение показалось слишком уж наглым. В конце концов, юридически это уже моя квартира, и терпеть наглый грабёж старого чёрта Эмеркара я вовсе не собиралась.

– Подождите, господин Эмеркар, – сказала я. – Давайте решим всё спокойно.

Эмеркар посмотрел мне в глаза, и я почувствовала приступ слабости и головокружение.

– Спокойно решать с тобой, Ксения, мы ничего не будем. Сейчас я заберу картины, мы возьмём их с собой в самолёт. По прилёту ты сможешь рассказать своему благодетелю Марру об этом, и если он потребует картины обратно, конечно, я их отдам. Но они могут очень сильно пригодиться нам в нашем путешествии.

– Ладно, – сказала Лучия. – Ксюша, присядь, тебе может опять стать дурно. Я составлю список картин, и Вы его подпишете, господин Эмеркар.

– Подпишу, – кивнул чёрт.

Пока снимали картины, делали список и подписывали его, прошло минут пятнадцать. Мне казалось, что каждое слово, вылетающее изо рта Эмеркара, отнимает частицу моей души.

Наверное, я очень побледнела, сидя на скамье в коридоре. Лучия даже забеспокоилась и принесла мне воды.

Наконец, мы все оказались на улице. Нас ожидали два автомобиля. Мы с Лучией сели в один, Эмеркар с Майей – в другой. Мы неспешно поехали на Северо-Запад.

Тонкий мальчик со скрипичным футляром в руке подсел в машину Эмеркара через пятнадцать минут. После этого мы довольно быстро приехали в какой-то небольшой частный аэропорт, который, по всей видимости, специализировался на обслуживании бизнес-джетов, автомобили остановились прямо у трапа. Водители вышли из автомобилей и помогли погрузить в самолёт наш багаж.

Я ощущала себя сторонним наблюдателем. Мне казалось, что ничто из происходящего не касается меня напрямую. Более того, возникло ощущение, что весь мир отделён от меня прозрачным стеклом, а я изолирована от него. Как ни странно, это ощущение было довольно успокаивающим.

– Лучия, мне, кажется, опять нехорошо.

– Не волнуйся, Ксюша, я уже сделала тебе чай, в котором растворена жидкая санта. Конечно, Автан написал не больше одной капли в день, но ведь весь термос с чаем ты не выпьешь, я одну каплю в него капнула, поэтому попей чаю.

Она извлекла из своей сумки термос и налила мне напиток. Я попробовала чай. Действительно несколько глотков полностью восстановили мои силы. Стекло разлетелась на мелкие осколки.

– Это всё общение с Эмеркаром, – сказала Лучия, – он буквально впитал значительную часть твоей санты, а твоё тело пока не может быстро восстанавливать запасы. Но ты научись, у меня сначала тоже так было. Ты пока что держись в самолете подальше от Эмеркара, и не говори с ним.

– Хорошо, – кивнула я.

Меня мучило нехорошее предчувствие, я волновалась о Гаврииле. Я достала телефон и набрала его номер. Он не ответил. Я написала в телеграм вопрос: «Как ты? Всё ли хорошо?», – но он, видимо, был вне сети.

Сознание Гавриила

Сознание Гавриила. 12 февраля 2024, понедельник.

Вчера вечером Марр, Кирилл и Фаиза вывели меня из квартиры, где жила Ксюша, и отвезли в лабораторию Марра, смутно я осознавал, что мы едем куда-то в сторону Сокольников. Мы ехали на такси, меня посадили посередине на заднее сиденье между Кириллом и Фаизой. Я несколько раз отключался по дороге. Вернее сказать, Эльдин несколько раз всплывал на поверхность моего сознания.

Когда сознание древнего бога прорывается из глубины, я чувствую как по телу прокатывается от пяток до макушки мощная волна энергии. Необычное ощущение, чуть пьянящее, даже с лёгким элементом экстаза. Если я усилием воли останавливаю эту волну, тогда следующая волна становится намного мощнее, и я уже не могу сопротивляться. Когда Эльдин выплывает на поверхность, я теряю контроль. Пока он контролирует тело, моё личное время как будто бы останавливается.

– Эльдин сообщил что расчёты Автана и Галена верны, и что сейчас Большая Дверь действительно находится в горах Алатау, – сообщила Фаиза после одного из моих отключений. – Мы вновь отправляемся к нашему другу Автану. Только на этот раз вместе с Эмеркаром. Ты согласен, Марр?

– Я согласен, – сказал Марр. – Хотя моё согласие уже ничего не определяет, сейчас только Судьба направляет события, или, говоря более научным языком, будущее определяет настоящее.

– Гавриил, Ксюше не очень хорошо, – сказала Фаиза. – Она потратила много энергии, но мы её восстановим. Жалко твою девочку.

– Да, Ксения сильно пострадала, но Лучия знает, что делать, – подтвердил Марр. – Меня она не раз восстанавливала после подобных историй. Я попрошу Автана прислать Ксении пробирку с жидкой сантой. Надеюсь, он не откажет старому другу.

– О чём вы вообще говорите? – спросил я.

– А, не обращай внимания. Со временем всё поймёшь, – приободрил меня Кирилл. – Я тоже чуть с ума не сошёл, когда начал общаться с этими чертями.

В лаборатории Марра меня положили под какие-то сканеры, и некоторое время изучали как моё сознание и сознание Эльдина меняет характеристики тела. Видимо, разница была впечатляющей. Честно говоря, я очень давно так хорошо себя не чувствовал. Я был буквально переполнен энергией. И у меня явно появился талант к рисованию. Когда мне дали карандаш и бумагу, я буквально за пять минут нарисовал горный пейзаж, в котором висела линза неправильной формы, которая искажала изображения за нею. Причём пока я рисовал, Эльдин дважды выплывал на поверхность, и я обнаруживал новые детали на рисунке, когда возвращался в своё тело.

– Покажем этот рисунок Автану, – сказал Марр. – Посмотрим, совпадает ли пейзаж с координатами, которые он вычислил.

Было уже далеко за полночь, когда приехал водитель Иннокентий, и мы все вместе переместились во Внуково, чтобы на личном джете Марра улететь в Алматы.

Сознание Гавриила. 13 февраля 2024, вторник

Когда мы вышли из частного самолёта, нас ждали две машины с водителями. В одну сели мы с Кириллом и Фаизой, во второй поехали Иннокентий и Марр. Нас около часа везли в горы, сначала дорога была хорошей, потом начались ухабы и ямы. Мы остановились у небольшого деревянного домика в одно окошко с сиротливо торчащей в небо печной трубой, который стоял на берегу замёрзшей горной речки. Всё вокруг было завалено огромными сугробами.

– Выходим, – сказала Фаиза. – Это замок Автана.

– Что? – спросил я. – Это его замок?

Фаиза насмешливо улыбнулась.

– Привыкай. Ещё и не такое увидишь, – сказал Кирилл.

Я вышел, и всем своим телом ощутил в морозном горном воздухе какую-то плотную пелену. Сначала я решил, что так ощущается перепад давления. Но потом стало ясно, что это какая-то маскировка. Марр взмахнул рукой, и в тот же миг маленький деревянный домик преобразился в сложенный из гранитных валунов четырехэтажный особняк с хаотично расположенными окнами разнообразных форм и размеров.

Река, которая до того притворялась замёрзшей, оттаивала сразу после пересечения забора, затекала внутрь особняка, и бурным потоком, перекатывающимся через искусно оформленные самоцветами пороги, вытекала с другой стороны, а затем скрывалась подо льдом и снегом. Забор особняка был сложен из гранитных валунов, которые были как бы беспорядочно навалены между двумя рядами чугунной ограды, которая была отлита в форме виноградных лоз. Приглядевшись, я понял, что если чугунную ограду убрать, то эта стена валунов останется стоять, словно монолит, поскольку все камни в ней были плотно пригнаны друг к другу. Оказалось, что машины, присланные за нами, уже въехали в ворота, которых я ранее не увидел, и стоят на специально оборудованной парковке из вулканических лавовых плит.

– Что?! – воскликнул я.

– Автан мастер сгущать морок, – сказал Марр.

Слово «морок» Марр произносил, по-особенному, чуть акцентируя букву «р». Мы поднялись на высокое крыльцо и зашли в окованные двери, сделанные из морёного дуба. Я представил как снаружи морок снова скрыл истинные размеры особняка. Огромный холл с расходящимися в разные стороны коридорами, некоторые из которых шли под наклоном вверх, некоторые – вниз, открылся перед нами. Свет лился вокруг, но не имел видимого источника. Казалось, что фотоны света просто излучаются камнями в стенах.

– Откуда здесь идёт свет? – спросил я у Фаизы.

– Это особая технология, применённая слугой Автана, Сигизом. Он верит, что свет есть в каждом предмете, нужно только правильно освободить его. И он сконструировал источник поля, которое освобождает свет прямо из стен этого замка, а ещё он делает жидкий свет, который ведёт себя как жидкость... Признаюсь честно, я только повторяю его объяснения. Сама я не очень понимаю, как он это делает.

Пока я слушал объяснения Фаизы, Автан вышел к нам из бокового коридора.

– Здравствуйтесь, друзья! Марр, рад тебя видеть.

Автан был высок и силён, выше Марра, ярко-зелёные глаза, вьющиеся по плечам волосы, громкий мощный бас. Он подошёл к Марру, они положили друг другу руки на плечи и почти минуту смотрели друг другу в глаза. У меня было ощущение, что таким образом они обменялись какой-то важной информацией, но я совершенно не понимал, как именно это произошло.

– Прекрасная Фаиза, рад, что ты вновь переступила порог моего скромного жилища!

– Надеюсь, и ты, дорогой Автан, представишь нас с Эмеркаром, мы покажем тебе недавно приобретённые шедевры, среди них есть потрясающие полотна...

– С радостью, дорогая Фаиза, но сама видишь, дел всё больше, и здесь, и в мире голодных духов. Кстати, старина Гален передаёт привет тебе и Эмеркару.

– Буду рада навестить его, – улыбнулась Фаиза.

Автан подошёл к Кириллу:

– Величайший вулкан санты Кирилл, как приятно видеть тебя у меня в гостях. В твоём присутствии никому из нас не угрожают утренники.

– Всегда к Вашим услугам, господин Автан, – Кирилл склонил голову в вежливом приветствии.

Автан подошёл к Иннокентию:

– Иннокентий, будь моим гостем. Я всегда поражаюсь тому, насколько ты буквально и пунктуально исполняешь поручения моего друга Марра. Всегда хотел найти такого личного помощника как ты, но, по всей видимости, ты единственный в этом мире.

– Благодарю, господин Автан, – Иннокентий так же склонил перед ним голову.

Автан подошёл ко мне:

– Гавриил, много наслышан о тебе. Понимаю, сейчас приходится нелегко. Носить в себе древнего бога, разрушителя миров, – непростая Судьба. Мы попробуем разделить вас, но нужно провести тщательные исследования, чтобы не допустить ошибку. Кстати, надеюсь, что прекрасная Ксения, открывшая двери темницы Эльдина, тоже к нам скоро присоединится. Марр сказал мне о том, что она потратила много санты, вытаскивая Эльдина из-за границы Универсума. Я уже распорядился отправить ей сосуд с жидкой сантой из моей лаборатории. Думаю, утром Ксения будет полна сил и энергии.

– Очень рад с Вами познакомиться, господин Автан, – сказал я, склонив голову так, как это делали Кирилл и Иннокентий. – Я бы хотел вместе с вашим сосудом отправить Ксении букет цветов. Получится ли это сделать?

– Конечно, всё сделаем. Я отдам распоряжение. Можешь сообщить Ксении, когда она проснётся, что она скоро получит и сосуд, и букет. Друзья! У меня для всех Вас прекрасная новость. Сигиз уже приготовил чан, – сказал Автан. – Это то, что нужно с дороги и то, что освободит вас от последствий бессонной ночи. Следуйте за мной.

Мы двинулись по одному из коридоров, плавно идущему вниз. Я заметил в потолке и стенах несколько по-особенному светящихся камней.

– Это беки, – пояснила идущая рядом со мной Фаиза, – так мы называем наделенные силой и сознанием камни, способные атаковать незваных гостей.

– И как же они атакуют?

– О, тебе лучше не узнавать это на собственном опыте, Гавриил, – улыбнулась она.

В её взгляде и улыбке было столько очарования, что почти невозможно было ему не поддаться.

Скоро мы оказались в треугольном зале, по углам которого были оборудованы три камина, а посередине зала над огромной чугунной печкой возвышался чан диаметром более шести метров. Огонь, вырываясь из верхней части печки, желто-оранжевыми языками облизывал дно чана. К верхней части чана вела кованая лестница, украшенная хитрым растительным орнаментом. Прямо у подножия лестницы текла горная река, и, приглядевшись, я понял, что лестница продолжается, спускаясь в реку. Печка была устроена настолько искусно, что дым уходил по трубе, не попадая в помещение, несмотря на то, что дно чана напрямую соприкасалось с огнём. Весь дым с тяжелым гулом уходил через железную трубу куда-то вверх. В нескольких больших окнах наверху между клубами пара иногда можно было увидеть настоящие звёзды. Пар поднимался к невысокому сводчатому потолку, на котором была искусно выложена мозаикой карта звёздного неба, сочетающаяся с окнами, смотрящими в реальное звёздное небо. Карпатский черт Сигиз, одетый в бежевый костюм, похожий на медицинскую одежду, ворошил жар в печке и напевал песню, из которой я услышал только несколько строк:

*«Поток огня, поток воды,
Соединить их можешь ты,
И будет пар, и будет гул,
Восслався, тёмный Вельзевул».*

– Красиво жить не запретишь, – сказал Марр с явной завистью и восхищением.

– Раздевайтесь и занывайте.

– Сигиз, приветствую тебя! – сказал Марр.

– И тебе привет, Марр, гость Автана, – ответил он.

– Желая тебе прекрасных дней и ночей, Сигиз, – сказал Марр.

Я почувствовал в его словах какой-то тайный, зашифрованный смысл.

– И тебе пусть вечность покажется краткой, – ответил Сигиз. – Приветствую дорогих гостей. Я слуга в этом замке, меня зовут Сигиз.

Я не совсем понимал, что будет происходить. Все полностью разделись, в том числе Фаиза. Мельком бросая взгляды на её обнажённое тело, я чувствовал, что она невероятно притягательна и осознавал, что она чувствует мои взгляды. Присутствие рядом Кирилла превращало её наготу в запретный плод, что ещё больше усиливало желание. Нет, эти мысли лучше гнать от себя подальше. Я люблю Ксюшу, и связь с прекрасной чертовкой, даже очень и очень соблазнительной, не должна разрушить наши отношения. Осознав, что стеснительность в этом обществе не является достоинством, я последовал примеру остальных и сбросил с себя всю одежду. Мы передали наши наряды Сигизу, который шепнул, что всё приведёт в идеальный порядок, и, поднявшись по лестнице, шагнули внутрь чана, дно которого было выложено большими плоскими камнями, поэтому ноги не обжигались огнём, бешено танцующим под его дном. Напротив, в ногах и во всём теле возникло очень умиротворяющее ощущение. Все расселись вдоль стенок чана, погрузившись в воду по шею. Горячая вода приятно согревала наши тела. Время словно бы замедлилось. Когда кто-то из нас ощущал, что его тело прогрелось достаточно, он вставал и спускался по чугунной лестнице прямо в горную реку. Вода в реке была холодной, но её холод, казалось, обтекал тело, не причиняя ему никакого неудобства. Несколько минут в горной реке – и можно было снова подняться по лестнице, чтобы погрузиться в чан. Со стороны мы напоминали картину, на которой грешников варят в огромных котлах в аду. Но мы вовсе не испытывали мучений. Напротив, наши тела наполнялись наслаждением и истомой.

Сидя в чане, мы неспешно беседовали.

– Расскажи, Гавриил, каково это быть сосудом древнего Бога? – спросил Автан.

– Честно говоря, не знаю, – ответил я. – Ведь когда он выходит на поверхность, я перестаю осознавать что-либо.

– Это очень интересно, – сказал Автан. – Просто очень. А можешь выпустить его на поверхность?

– Думаю, да. Могу.

Я сосредоточился и попытался вызвать изнутри ощущение поднимающейся вверх волны. Это получилось. Моё сознание погасло.

Когда я вновь осознал себя, мы выбирались из чана. Моё тело, должно быть, раз десять ныряло в холодную горную реку и возвращалось обратно в чан: я чувствовал себя необыкновенно гибким, сильным и здоровым.

– Это была очень интересная беседа, – обратился ко мне Автан. – Эльдин рассказал нам о Большой Двери, о том, что нас ждёт с другой стороны. И о том, как можно управлять моментом времени мира Богов, в котором мы хотим там появиться. Я пока и сам до конца не понял эту идею, но, надеюсь, со временем во всём разберусь. Если ты ещё не знаешь этого, Гавриил, Большая Дверь может вывести нас прочь из картины, создавшей Универсум, внутри которого мы живём.

– Я уже входил в одну картину и выходил из неё, – сказал я. – Поэтому идею понимаю.
– Сложно представить, что так можно выйти из нашего Универсума в тот, в котором реально жили или, может быть, продолжают жить древние боги. Правда, это захватывающе?!
– Автан буквально пронзил меня взглядом своих зелёных глаз. – Это мы и сделаем все вместе!

Мы вылезли из чана, и, облачившись в туники и кожаные сандалии, принесенные Сигизом, расположились в креслах у одного из трех каминов. Не могу сказать, что это была самая удобная одежда и обувь после чана, но я не стал идти наперекор прихотям хозяина замка. Сигиз объяснил мне на ухо, что к туникам и сандалиям Автан привык еще в Древнем Риме, и просто не видел смысла менять свои привычки.

Сигиз принес нам вино и фрукты, а также поставил на стол горячее тушёное мясо и свежий, только что испечённый хлеб.

Когда он клал столовые приборы перед сидящим рядом со мной Марром, я невольно услышал его шепот:

– Пусть новая луна принесет на своих рогах освобождение миров.
– Да станет лабиринт кругом, – ответил Марр.
– О чем это ты, Марр, шепчешься с моим слугой Сигизом? – поинтересовался Автан.
– Обмениваемся литературными цитатами из творчества эквилитов, – улыбнулся Марр. – Сигиз большой ценитель их поэзии, как и я.

Мы пили вино, ели мясо и фрукты. Настроение у всех присутствующих было великолепное. Бессонная ночь, казалось, совершенно не оставила следа в моём теле. Я был полон энергии и энтузиазма. Насколько я мог видеть, остальные мои спутники тоже находились в самом что ни на есть приподнятом расположении духа. Но потом, после еды, нас всех сморил сон. Оказалось, что кресла, на которых мы сидели, легко преобразуются в удобные шезлонги. Я тоже погрузился в дрему. Но это не был обычный сон. Я как будто и не спал, а оказался в другом месте, в котором рядом со мной были Фаиза и Марр. Мы находились на красивом холме, поросшем густой травой, вокруг нас во все стороны простирался лес.

– И ты здесь? – удивился Марр.
– А где мы?
– В пространстве сновидений, – сказал Марр. – Здесь всё немного по-другому. Ты можешь свободно летать или мгновенно перемещаться из одного места в другое. Вот, давайте переместимся. Возьмите меня за руки.

Фаиза и я взяли Марра за руки. И в тот же миг оказались в сложном переплетении бесконечно ветвящихся коридоров из материала, похожего на черный гранит. На стенах иногда проступали тусклые цветные изображения, чаще всего похожие на картины импрессионистов или абстрактное искусство.

– Это Чёрная галерея, – сказал Марр. – О ней знает каждый сновидящий чёрт. Идеальное место для разговора, поскольку никто не может проникнуть в сознание чертей, находящихся в Чёрной галерее. Черти могут проникать в сознание друг друга, а вот сознание человека для чёрта полностью закрыто.

– И о чём же мы будем говорить? – спросил я.
– Мы будем говорить. Но не с тобой, Гавриил, а с Эльдином.
Я почувствовал волну, которая поддавливает меня снизу, и не стал сопротивляться.

Когда мы проснулись, я почувствовал лёгкую усталость. Мы находились в том же зале у камина. Огонь под чаном уже не горел, но камин давал достаточно тепла. Шевелиться не хотелось.

Марр, который возлежал на шезлонге рядом со мной, тоже проснулся. Мне показалось, что от Кирилла, лежащего рядом с Фаизой, во все стороны расходилось какое-то мощное излучение. Я мог видеть его краем глаза, но когда начинал вглядываться, иллюзия исчезала. Или это была не иллюзия?

– Ты помнишь, что мы вместе были в Чёрной галерее? – спросил меня Марр.

– Помню, господин Марр. Но потом я выпустил Эльдина.

– Да, наша беседа с ним была долгой, – сказал Марр.

Я ждал продолжения, но он молчал.

– Сегодня важный день, – сказал Марр. – Ты ключевая фигура в сегодняшних событиях. Эльдин сказал, что тебя лучше посвящать в детали постепенно, тогда ты сделаешь именно то, что соответствует замыслу Судьбы.

Я почувствовал в его словах какую-то угрозу.

– Мне грозит опасность? – спросил я.

– Не больше, чем всему Универсуму, – сказал Марр. – Кроме того, Эльдин совершенно не заинтересован в том, чтобы твоё тело как-то пострадало.

– Ну что ж, это обнадеживает, – усмехнулся я.

Не скрою, было немного обидно ощущать, что мною и моим телом распоряжаются без моего участия. Но я понимал, что сейчас не располагаю никакими альтернативными стратегиями: моё положение было слишком уязвимым.

Проснулась Фаиза. Она потянулась и сладко зевнула. Как же она была соблазнительна всё-таки! Кирилл всё ещё лежал в полудрёме. Фаиза прильнула к нему и поцеловала. Я отвернулся. Иннокентий вскочил со своего шезлонга и произнёс:

– Под шум горной реки сны снятся совершенно чудесные.

– Доброе утро, мои драгоценные друзья, – произнёс вошедший в зал Автан.

Он пришёл вместе с Сигизом.

– Я подготовил гостевые комнаты для каждого из вас, – сказал Сигиз. – В комнатах вы найдёте вычищенную и выглаженную одежду, а также всё необходимое для каждого из вас. Прошу следовать за мной. Когда вы приведёте себя в порядок, приходите в трапезный зал, там будет накрыт завтрак.

Моя комната состояла из алькова, в котором располагалась кровать, и остального пространства не меньше тридцати квадратных метров. Стены и потолок состояли из сложной композиции искривлённых поверхностей, что создавало визуальный эффект увеличения пространства. Из комнаты выходил небольшой засыпанный снегом балкон. Справа от входа располагалась ванная комната, которая была заполнена всем, что может пригодиться мужчине. Душевая кабина стояла отдельно. Ванна была настолько большой, что напоминала маленький бассейн. В длину не меньше пяти метров, шириной не меньше двух. Её стенки в два ряда были покрыты отверстиями. Я побрился, принял душ. Мне было интересно, насколько быстро можно наполнить ванну такого объёма. Я покрутил краны. Оказывается, вода заходила в ванну не только через кран: отверстия по бокам тоже были источниками воды. Менее чем за минуту ванна наполнилась наполовину. Я погрузился в горячую воду. Ощущение было великолепным.

Когда я вышел из ванны, со всех сторон начал дуть горячий сухой воздух. Тело мгновенно высохло.

– Красиво жить не запретишь, – повторил я вчерашние слова Марра.

Я оделся в чистую одежду и обнаружил, что в шкафу в моей комнате висит ещё несколько подходящих мне комплектов одежды и стоит несколько пар обуви. В ящиках лежали нижнее бельё, носки, майки, футболки. На специальных вешалках были развешаны ремни, галстуки, я нашёл даже смокинг. Интересно, в какой ситуации он мог мне здесь пригодиться?

Шкаф с одеждой был совершенной неожиданностью, впрочем очень уместной, особенно если мы задержимся здесь на несколько дней. Я восхитился тем, насколько Сигиз предусмотрел все детали. В комнате недалеко от двери, выходящей на балкон, стоял стационарный компьютер с большим жидкокристаллическим дисплеем, рядом располагался цветной принтер, около клавиатуры на медной табличке было написано название сети Wi-Fi и пароль. Автан не отказывал себе в благах современной цивилизации.

Приведя себя в порядок, я вышел из комнаты и направился на завтрак. Беки, светящиеся в стенах, подсказывали направление движения, по ним пробегала волна сияния. В этом лабиринте без них и впрямь было бы трудно ориентироваться.

Несколько поваров и официантов (как я понял, людей) суетились, предлагая гостям различные угощения. Мы сели за один большой стол посередине зала. Я сел между Марром и Фаизой, рядом с Фаизой расположился Кирилл, Автан сел напротив Марра, Иннокентий рядом с Автаном. Официанты поставили на стол множество разнообразных блюд, налили каждому из нас вкуснейший напиток, который был похож на сок, но содержал немного алкоголя, и, кажется, впитывался в тело, едва коснувшись языка. Я набрал в стоящую передо мной тарелку всё, что показалось мне вкусным, и внимательно слушал, о чём говорят черти, сидящие рядом.

– В пространстве снов я получил от Эльдина вот такую информацию, – сказал Марр, кладя на стол несколько листов с нотами. – Фаиза проверила, я всё записал верно.

Автан посмотрел на нотную запись.

– Для скрипки? – спросил он.

– Для янтарной скрипки, – сказал Марр. – Но сыграть эту музыку я не смогу. Моего мастерства для этого явно недостаточно.

– Я сообщила Эмеркару, что ему придётся привезти сюда янтарную скрипку, – сказала Фаиза. – И уже отправила ему ноты.

– Ещё раз обращаю внимание всех присутствующих на то, что Эмеркар выкрал янтарную скрипку из моего тайника, расположенного на территории Автана, в мае прошлого года, – вставил Марр.

– Понимаю, что ты обижен и очень разочарован этим обстоятельством, – насмешливо съязвила Фаиза, – но это не имеет отношения к нашему общему делу.

Марр нахмурился, но промолчал.

– А кто сыграет музыку? – спросил Автан.

– Есть только один человек, который на это способен, – сказал Марр.

Он положил на стол напечатанное фото.

– Кто это? – спросил Кирилл.

– Гениальный скрипач по имени Равиль, – сказал Марр. – Я попросил Эмеркара привезти его сегодня сюда. Думаю, даже ему придётся потренироваться, поскольку янтарная скрипка тяжёлая, струны на ней из антиана, и играть на ней нелегко. Для перемещения к нам им придётся не использовать порталы. Эмеркар не доверяет нам настолько, чтобы переходить по открытым нами порталам, а Равиль просто испугается, поэтому будем ждать, пока они прилетят самолётом.

– Как я понял, это музыкальное заклинание, открывающее Большую Дверь? – спросил Автан.

– Именно, – сказал Марр. – Эльдин сказал, что Большая Дверь из нашего Универсума имеет дополнительную защиту, которая как раз и убирается этим музыкальным фрагментом, играющим роль пароля.

– Есть ещё одна деталь, – добавила Фаиза. – Эльдин сказал, что поскольку Большая Дверь движется по обитаемым мирам нашего Универсума, лишь ненадолго задерживаясь в каждом из них, мы не знаем, сколько у нас есть времени на то, чтобы её открыть.

– Я рассмотрел рисунок Гавриила с горным пейзажем, который вы мне показали, – сказал Автан. – Вычисленные мной координаты указывают именно на это место. Давайте пойдём и посмотрим на Большую Дверь.

– Далеко ли мы от неё? – спросила Фаиза.

– Тут ты можешь очень удивиться, Марр. Помнишь вершину горы, которую мы с тобой передельывали примерно двести лет назад по проекту старины Галена?

– Как не помнить! – откликнулся Марр. – Мы называли её Путь-Гора.

– Большая Дверь сейчас находится примерно в одном километре от вершины Путь-Горы.
– И как мы доберёмся туда? – спросил Марр. – Это же три дня пути от твоего замка.
– Вижу, про тоннель в горах ты забыл, – зелёные глаза Автана светились озорством и задором.

– Забыл, – честно признался Марр.

– Сигиз проложил по этому тоннелю моё персональное метро.

– Не может быть! – Марр был искренне восхищён.

– То, как Сигиз управляет металлом, камнем и деревом, меня самого удивляет, – сказал Автан.

– Ты говорил, что когда-то спас Сигиза от смерти? – спросила Фаиза.

– От истощения. Он был почти лишён санты, – сказал Автан. – Казнь эквилитов. Они отрезали ему пальцы на руках и ногах и закопали по шею в песок посреди пустыни. Мне удалось забрать его у этих надоедливых существ, влить в него каплю жидкой санты и излечить. Так он стал моим слугой.

– Когда это было? – поинтересовалась Фаиза.

– Двадцать два года назад, – сказал Автан.

– Я думал, что эквилиты перестали существовать лет пятьдесят назад, – сказал Марр.

– Нет, эта секта всё ещё действует, – усмехнулся Автан. – И Сигиз до сих пор разделяет их мировоззренческие догмы, хотя и имел много шансов убедиться, что они неверны, наблюдая мои эксперименты с физикой, пространством и временем нашего мироздания.

– А в чём же он провинился перед ними? – спросила Фаиза.

– Он давно влюблён в королеву нимф из Мира Голодных Духов, её имя Иэйя. Тогда он отдал ей рукопись, которую эквилиты считали большой ценностью, – сказал Автан. – Хотя, между нами говоря, ценности в ней никакой не было. Это была книга заклинаний, которые уже больше тысячи лет не работают, с тех пор, как миры начали расходиться в стороны, и наш Универсум начал показывать первые признаки распада.

– Королева нимф в прошлом году очень хотела получить янтарную скрипку, – улыбнулся Марр. – Она сочинила музыкальное заклинание, которое, по её мнению, могло снова соединить миры в единое кольцо. И тогда заклинания из книги, переданной Сигизом, вновь начали бы работать. Как она была разочарована, когда скрипка исчезла из моего тайника!

Фаиза вновь наградила Марра насмешливой улыбкой, но удержалась от очередного язвительного комментария.

– А Гален всё ещё в мире голодных духов? – спросила Фаиза.

– Да, – ответил Автан. – Он основательно там обустроился. У него роскошная лаборатория, в которой он отрабатывает технологию предвидения наиболее вероятного будущего, и королева нимф оказывает ему всяческое покровительство.

– Интересно... – задумчиво шевельнула бровями Фаиза. – Навешу его как-нибудь.

– Если на скрипке можно играть музыкальные заклинания, – спросил я, – то как вы узнаете ноты этих заклинаний?

– А, это любопытная особенность янтарной скрипки, – сказал Марр. – Когда играешь на ней гамму ре-мажор, в воздухе возникает книга с нотами музыкальных заклинаний. А потом их надо заучить. Но есть черти, нимфы и иные существа, которые постоянно пытаются сочинить новые музыкальные заклинания, иногда успешно.

После завтрака мы облачились в тёплую одежду, Сигиз выдал каждому из нас трекинговые ботинки, удобный рюкзак, зажимы для верёвок, ледоруб и бухту верёвки, а также термос с горячим сладким чаем, флисовые балаклавы для защиты лиц и очки с защитными щитками по бокам. Мы упаковали рюкзаки. Иннокентий водрузил на свои плечи намного более тяжёлый рюкзак, в котором что-то солидно звякнуло. Автан тоже нёс более тяжёлый рюкзак.

Мы обулись, прошли по нескольким переходам и залам, и начали спускаться вниз. Спуск был недолгим. Скоро вокруг нас засиял электрический свет, и мы увидели вагонетку, переоборудованную в самодвижущуюся повозку с удобными мягкими сиденьями.

Мы сели, и повозка тронулась по блестящим новеньким рельсам. Она двигалась вверх, постоянно ускоряясь, хотя я не заметил, чтобы Автан каким-то образом управлял её движением. Пока мы ехали, воздух становился всё холоднее. Через двадцать минут мы вышли из небольшой пещеры и оказались на вершине горы. Холодный ветер пронизывал нашу одежду. Дышать было трудновато: в воздухе было мало кислорода. Моя голова слегка кружилась. Вершина горы по форме была как чаша диаметром метров триста, и мы находились почти что в её центре.

Автан, держа в руке большой компас, указал направление движения. Мы надели балаклавы, очки и начали движение вверх. Я никогда не занимался альпинизмом, поэтому каждый шаг давался мне с трудом. Дважды я поскользнулся и упал. Иннокентий подхватил меня под руку и сказал:

– Держись за мной, Гавриил. – Наступай след в след, понял? Если трудно, кричи, я помогу.

Судя по всему, Иннокентий был опытным покорителем горных вершин. По каким-то трудно уловимым признакам он находил надежную опору для ног под слоем снега и льда. Подъём становился всё круче. Я задыхался, хотя прошли мы всего метров двести. Все, кроме меня и Иннокентия, шли за Автаном впереди нас и оживлённо что-то обсуждали. Из-за ветра я не слышал, о чём они говорили. Я сосредоточился на ходьбе: шаг за шагом, шаг за шагом... Мы поднялись на край трёхсотметровой чаши, и перед нами открылась небольшая долина между горами. Метель усиливалась, видно было не дальше, чем на пятьдесят метров.

Здесь мы задержались. Иннокентий и Марр что-то обсудили, активно жестикулируя, а потом извлекли из рюкзака Иннокентия стальные крючья и ловко забили несколько штук в расселины скал, после чего проделали альпинистские верёвки через отверстия.

– Это самые высокие скалы на краю, приметные, – сказал Марр. – Мы их заметим изда- лека.

Одну бухту верёвки они оставили рядом с крючьями, она должна была помочь нам легче спуститься на дно огромной чаши. Мы все взялись за вторую верёвку и двинулись вниз.

Я по-прежнему шёл за Иннокентием, ступая след в след. Спускаться оказалось сложнее, чем подниматься. После того, как я почти упал, лихорадочно вцепившись в верёвку, Иннокентий закрепил страховочную верёвку вокруг моей талии, а второй её конец обмотал вокруг своей и пошёл сзади меня. Я был ему искренне признателен, это придало мне уверенности. Холод, снег, ощущение, что в любой момент нога может соскользнуть вниз, и ты неуправляемо полетишь по крутому склону... Размотав до конца первую бухту, Марр вбил ещё два крюка в расселину скалы, и на одном из них закрепил закончившуюся веревку, а к другому привязал новую бухту. Каждая бухта веревки была двести метров длиной. Мы очень медленно прошли ещё двести метров, и я ни разу не упал, чему был очень рад. Затем мы вышли на относительно ровную поверхность, и Иннокентий отвязал меня от себя. Марр закрепил верёвки точно так же, как сделал это выше. Мы прошли ещё двести метров. Он повторил процедуру. Мы двигались по практически горизонтальной поверхности, но кое-где под ногами был лёд, иногда мы наступали на нестабильную сыпучу под тонким слоем снега, выметенного ветром. В общем, наше движение мало напоминало прогулку по Чистопрудному бульвару. Когда закончилась очередная бухта, Марр привязал к концу верёвки следующую, достав её из рюкзака Иннокентия. Мы прошли ещё около ста пятидесяти метров.

– Где Большая дверь? – крикнул Марр Автану.

– Где-то здесь, – ответил он.

Автан достал сделанный мною рисунок. Сквозь снег с трудом можно было различить окружающие нас горы, но они всё-таки угадывались на фоне неба. Насколько я мог судить, рисунок воспроизводил этот пейзаж довольно точно.

Автан достал из своего рюкзака какой-то прибор, похожий на огромный бинокль, и начал осматривать окрестности, что-то подкручивая на нём и нажимая какие-то кнопки.

– Видишь? – спросила Фаиза.

– Да! Вот она! – Автан указал вверх. – Можно увидеть и невооруженным глазом. Видите, как будто бы рябит само пространство, искажая полёт снежинок?

Мы пригляделись, и я увидел Большую Дверь. В тот же миг моё тело наполнил иррациональный ужас. Неужели эта дверь ведёт из нашего Универсума наружу? Неужели мне предстоит шагнуть туда? Признаюсь честно: это было страшнее всего, что я мог себе представить.

Автан извлёк из своего рюкзака массивную камеру, которую установил на выдвинувшиеся из неё четыре ножки, и точно сориентировал её на Большую Дверь. Также он извлёк металлический ящик, который положил рядом с камерой, а Марр вбил очередной крюк и привязал к нему верёвку, продев остаток бухты в петлю.

– Это что за ящик? – спросила Фаиза.

– Сконструированный Сигизом дрон, – ответил Автан. – Когда кончится снег и ослабеет ветер, я смогу дистанционно открыть этот ящик и выпустить его.

Фаиза и Кирилл уже налили себе чай из термоса и, опустив балаклавы, пили его, явно получая удовольствие от жизни. Мне эта идея показалась просто великолепной. Я тоже извлёк термос и немного замёрзшими руками налил горячий напиток в кружку.

Чай был превосходен, Сигиз сделал его на основе каких-то трав, и сейчас он был настолько вкусен, насколько может быть вкусна жизнь.

Наш пример вдохновил остальных. Скоро все пили чай. Вьюга начала стихать, ветер заметно ослабел. Мы были у выхода из нашего Универсума. Большая дверь висела над нами примерно в десяти метрах над поверхностью горы.

– Как мы заберемся туда, на высоту? – спросил я у Фаизы.

– Пусть Автан об этом думает. Он у нас учёный, изобретатель и инженер. А ты бы как решил эту задачу?

– Не знаю, – признался я. – Не строить же здесь Вавилонскую башню, в самом деле.

– Вавилонскую башню, вполне возможно, затем и строили, – сказала Фаиза. – Есть такая версия в наших легендах.

– Возвращаемся! – крикнул Автан.

Мы попрятали термосы и, достав из рюкзаков зажимы для веревки, двинулись назад. Ветер теперь дул в спину, идти было значительно легче. И подъём уже не был таким трудным, благодаря веревкам, которые закрепили Марр и Иннокентий, и скользящим по ним зажимам. Кирилл не отходил от Фаизы. Они ушли вперёд и о чём-то оживленно разговаривали, поднимаясь по склону. Угол подъема менялся в диапазоне 40-60 градусов. Я шёл вверх, цепляясь одной рукой за камни, а другой рукой держась за ручку зажима. Приходилось тщательно продумывать каждое движение, чтобы всегда иметь три точки опоры. Впрочем, подъём был достаточно лёгким и быстрым. Достигнув края чаши, мы начали разматывать бухту, оставленную у самых высоких скал. Бухту нёс и разматывал Иннокентий, а все остальные перецепили зажимы на растягиваемую им верёвку и двинулись вниз. Благодаря этой верёвке, спускаться было достаточно легко.

В том месте, где бухта верёвки кончилась, Марр привязал очередную бухту и дотащил её до входа в пещеру, где закрепил верёвку на очередной вбитый им крюк. Теперь путь от выхода из пещеры до Большой Двери был полностью размечен верёвками и крючьями.

Я с огромным удовольствием снял с себя очки и балаклаву и сложил их в рюкзак. Возвращение к цивилизации было событием весьма радостным. Мы сели в вагонетку и вернулись в замок Автана.

Направляясь в свою комнату, я позвонил Ксюше, надеясь, что она уже проснулась: разница во времени между нами составляла три часа. Я рассказал ей о том, что ей отправили жидкую санту и букет цветов, а она пожаловалась, что чувствует себя не очень хорошо и сказала, как хочет вернуться в обычную человеческую повседневность.

Придя в свою комнату, я принял горячую ванну. Переход от холодного горного воздуха к пребыванию в огромной ванной был настолько приятен для тела, что я даже ненадолго уснул, лёжа в воде.

Проснувшись в ванной, я ощутил, что стал немного другим. Как будто бы изменилось само ощущение себя. Странное и тревожащее, вплоть до лёгкой тошноты, предчувствие сконцентрировалось в области моего сердца. Может быть, я заболел? Я вылез из ванны и посмотрел на своё отражение в зеркале. Я видел привычное лицо, но когда быстро переводил взгляд с одной части изображения на другую, некий мимолётный образ другого лица как будто бы накладывался поверх моего. Ощущения тошноты усилились, закружилась голова, захотелось быть в обществе других людей, чертей, неважно в чьём, – главное чтобы рядом были другие живые существа. Я подумал, что так, через общество, мы, наверное, всегда, не осознавая этого, фиксируем самописание, закрепляем ощущение самих себя.

И тут я услышал голос.

– Это Эльдин, не пугайся. Я решил, что пора соединить наши сознания, хватит нам по очереди управлять этим телом. Давай будем действовать как единое целое. Ты согласен?

Я испугался как никогда. Этот голос был настолько властным и полным силы, что не подчиниться ему казалось невозможным. Но ведь, по сути, он предложил мне потерять самого себя? Хотя, если подумать, кто я такой? Ведь я и сам плохо это понимаю. И тем не менее, потерять себя, то, что я называл своей личностью, я не хотел.

Тут зазвонил телефон. Дрожащими и всё ещё мокрыми после ванны руками я достал его из кармана куртки. Звонила Ксюша. Я почувствовал насколько нуждаюсь сейчас в ней и попросил её прилететь вместе с Эмеркаром и скрипачом.

Как только я завершил разговор, голос внутри назойливо спросил:

– Ну что, ты согласен?

– А что я получу взамен? – спросил я, сам удивляясь собственной наглости.

Видимо, когда мне становится нечего терять, я начинаю вести себя как торговец.

– Ты на некоторое время станешь равным по силе древним богам, создавшим сотни тысяч Универсумов. Ты получишь доступ ко множеству тайн и секретов. Разве этого мало?

– Я никогда уже не буду прежним мной?

– Будешь, Гавриил, если захочешь быть прежним. Ты можешь пережить и испытать то, что недоступно ни одному человеку. Но потом, когда мы разделим наши сознания, тебе будет очень не хватать меня.

– А когда это произойдёт, когда именно мы отделимся друг от друга? – спросил я.

– Для этого надо выбраться из твоего Универсума в мир древних богов. И мне нужно сделать это незаметно, в твоём теле и через Большую Дверь. Я хочу понять, что происходит в мире богов прежде, чем вернуться туда в своём облике и своим обычным путём. До тех пор, пока я не разберусь с тем, что там происходит, мы с тобой останемся самыми близкими существами. Когда мы разделимся, ты почувствуешь щемящую пустоту, а я вновь начну чувствовать одиночество. Я сделал тебе это предложение, поскольку успел неплохо узнать тебя. Ты мнеходишь как союзник. Ты жаждешь приключений, ты хочешь наполнить свою жизнь чем-то особенным.

– А вот я совсем не знаю тебя, – сказал я.

- Задай вопрос, чтобы узнать.
- Расскажи, откуда мы освободили тебя? И как ты там оказался?
- Что ж, мой рассказ будет долгим.

Я ощутил как чужие воспоминания начинают оживать в моём сознании. Голос, поясняющий то, что я видел, усиливал эмоции:

– Ал Рокус и другие боги, которые научились писать картины, создающие Универсумы, допускали ошибки. Многие созданные ими Вселенные оказывались нежизнеспособны. Я научился писать картины, которые стирали целые Универсумы или их фрагменты, а также картины, которые вносили исправления в первоначальный замысел. Так я получил прозвище Разрушитель миров или Стиратель Универсумов. Со временем я начал понимать как можно создать абсолютно совершенный Универсум, и осознал, что могу стереть, разрушить тот Универсум, в котором боги создавали свои картины. Они все были очень испуганы, когда я предложил им переселиться в созданный мною совершенный Универсум. Для них это означало, что они окажутся под моей властью, внутри моей картины. Конечно, они отказались. Я написал картину, которая создала совершенный Универсум, и хотел войти в неё сам. Некоторые боги изъявили желание перейти туда вместе со мной. Но Ал Рокус не мог допустить этого. Он воспринял это как восстание против его власти. Они застали меня врасплох и выбросили в крошечную Вселенную-тюрьму, состоящую из трёх небольших помещений с белыми оштукатуренными стенами. В одном находился мольберт с единственным холстом, а рядом лежала одна сломанная кисточка, и совсем не было красок, в другом стояла сколоченная из досок лежанка без матраса. В третьем располагались туалет и небольшой стоячий душ. Источником света во всех трёх помещениях служил потолок. Был ещё шкаф у входа, в котором один раз в день появлялись еда и вода. Всегда одна и та же еда. Моя тюрьма была крошечной Вселенной, прилепленной к Вашему Универсуму, в ней не было Большой Двери, поскольку они сразу же уничтожили картину, которая привела меня в неё. Из этой ловушки я не мог выбраться, не имея масляных красок и холста. За стенами, как я выяснил, ничего не было: изрядно потрудившись, мне удалось разобрать угол стены, – но с той стороны не было даже пространства. Я написал единственной сломанной кисточкой и своей кровью картину, благодаря которой в этом Универсуме появился Кирилл. Моя кровь сделала Кирилла мощнейшим источником санты, и я знал, что черти обратят на него внимание. Кирилл встретился с Марром, потом познакомился с Фаизой и влюбился в неё. В одном из картинных миров, по которым Кирилл и Фаиза путешествовали вместе, они нашли древнюю картину, на которой были изображены они сами и Ксения. Я когда-то вдохновил художника на создание этой картины из своего заточения, используя сновидения. Это было нелегко, поскольку моё время в этой крошечной вселенной-тюрьме текло значительно медленнее, чем время художника. Кирилл купил эту картину в лавке у антиквара. Так черти нашли Ксению. Остальное ты знаешь.

– Но почему Ксения стала ключом от твоей тюрьмы?

– Всё дело в чертах её лица. Если написав картину, можно создать целый Универсум, то любая материальная форма, которая существует где-либо, может порождать другие формы или придавать новые свойства каким-либо существующим вещам. Я знал, что форма лица, обладательницей которого оказалась Ксения, может освободить моё сознание из тюрьмы, в которую меня заточил Ал Рокус. Так что дело не в Ксении, дело в чертах её лица.

– И что ты хочешь сделать теперь, когда ты свободен? – поинтересовался я.

– Когда я оказался в заточении, в этой крошечной тюрьме-вселенной, боги уничтожили и ту картину, которая вела в созданный мною совершенный Универсум. Я хочу написать картину, которая вновь откроет дверь туда. И, наверное, хочу уйти туда сам, или с теми, кто захочет составить мне компанию. Возможно до этого я смогу отомстить Ал Рокусу и лишит его власти, а также освободить своих друзей-богов... Все эти события направляет Судьба, над которой мы, древние боги, не имеем власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.